

ДЕЛО ЖИЗНИ

Шестидесятники — нефтестроители,
Шестидесятники — газа властители, Дети
страны, Самотлором возвращенные, Лютой
пургой Уренгоя крещенные...

*посвященного строителям нефтегазовой
индустрии Западной Сибири в 1960-е годы.*

М.Н. Гайказов

...Он вровень с мудрецами Греции творил, И
гордый Ницше слог его боготворил...

Стих «Заратуштра» из поэмы М.Н. Гайказова «Бакинцы»

Сначала августа 1954 года, не оставив времени на передышку, сразу после окончания учебы в институте и защиты диплома, прибыв в Краснодар по институтскому направлению, молодой специалист — горный инженер по эксплуатации газовых месторождений В.А. Динков уже трудился на производстве в нефтепромысловом управлении «Абиннефть». А 30 сентября была скромная свадьба. В его судьбе появился верный и надежный друг на всю жизнь — Галина Петровна, к великой радости Василия Александровича, подарившая ему в 1955 году дочь Наташу.

Свое тридцатилетие в декабре 1954 года Василий Александрович отмечал в родном Краснодарском крае старшим инженером-механиком нефтепромыслового управления «Абиннефть». В стране в этом году было добыто семь с половиной миллиардов кубометров нефтяного и природного газа — в два с половиной раза больше, чем в победном 1945 году, но абсолютно недостаточно. И одним из тех, кто это отчетливо представлял был дипломированный инже-

нер-газодобытчик В. Динков, почерпнувший знания не только из учебных книг, но и из лекций и личных впечатлений полубившегося институтского профессора, посетившего в составе первой советской делегации нефтяников в 1926 году нефтегазовые промысла США. «Всем нам было по тридцать, — вспоминал В.А. Динков в день своего 70-летия, — когда мы всерьез начали развивать отрасль, ставшую незадолго до этого самостоятельной топливной ветвью будущего ТЭКа». Одержимый инженерной мечтой В. Динков имел самые серьезные намерения сделать добычу природного газа делом жизни и, казалось, знал, как при этом добиться желанного результата.

Через тридцать лет и шесть месяцев министр газовой промышленности СССР Василий Александрович Динков, назначенный указом Президиума Верховного Совета СССР министром нефтяной промышленности СССР, передаст своему преемнику прекрасно организованную, крупнейшую в мире и быстро набирающую темпы газодобывающую отрасль промышленности, годовая добыча в которой подошла к рубежу в 600 млрд м³ газа, а среднегодовой её прирост с начала 1980-х годов превысил 40 млрд м³. Не менее важным достижением той поры стало и то, что отрасль и страна на многие годы вперед были надежно обеспечены разведанными извлекаемыми запасами природного газа — этого современного, высококонкурентного теплоэнергетического ресурса и ценнейшего углеводородного сырья химического производства, обладавшего редким для советской продукции и, как подтверждала и напоминала осуществляемая государственная политика, жизненно важным для её успеха достоинством высоколиквидного товара на мировом твердовалютном рынке.

В жесточайшем противоборстве с Западом в безудержной гонке вооружений жившая на одном (нефтяном) дыхании страна получала второе — на природном газе.

Но все это в далеком будущем, а пока...

История оставила нам относительно скудные сведения о зарождении газовой промышленности на Кубани. Известно, что газ начал добываться там в незначительных объемах еще до войны и главным образом в местах внезапного обнаружения. Это был попутный или нефтяной газ, который в 1928 году начали отделять от нефти с использованием примитивных газонефтяных сепараторов. Что же касается не связанного с неф-

тью природного газа, то его добыча, транспорт и утилизация также оставляли желать лучшего. В последний предвоенный год было добыто немногим более 90 млн м³, а в 1941 году — 136 млн м³ газа. Этот уровень был перекрыт лишь в 1952 году, когда добыча составила около 150 млн м³. Ко времени, когда В.А. Динков приступил к исполнению своих обязанностей, эксплуатацией газовых месторождений занимались нефтяники. Однако их усилия на Кубани не были в достаточной степени систематизированы.

В памяти **Бориса Владимировича Колесникова**, одного из ранних сослуживцев В.А. Динкова остались впечатления от первого знакомства с молодым инженером газокompрессорного цеха НПУ «Абиннефть» в 1954 году. «Его первый вопрос, — вспоминает Б.В. Колесников, — застал всех врасплох. А сколько попутного газа собирается у нас на промыслах (?!). Не получив вразумительного ответа, он приступил к подготовке соответствующего проекта, ключевой основой которого была герметичность предлагавшейся системы сбора нефтяного газа и особенно сплетений трубопроводов. Его дотошная проверка каждого сварного стыка подчас приходилась не по вкусу неторопливым, но как утверждали «старожилы», хорошо знающим свое дело сварщикам. Игнорируя реплики, мол, «молодой... жизнь обломает и будет сговорчивей...», автор проекта был настойчив и неумолим. И дело было не в «первой личной инженерной инициативе». «Лучше предотвращать, — неустанно повторял В. Динков, — чем реагировать на последствия». О себе заявлял инженер новой, послевоенной формации...» (Пройдет три с половиной десятилетия. Тревожный ночной звонок разбудит министра нефтяной промышленности СССР В.А. Динкова, и срывающийся голос на том конце провода сообщит о страшной катастрофе: «Взорвался нефтяной газ, накопившийся из прохудившегося шва продуктопровода Усть — Балык — Тобольск — Нижнекамск... Жертвы неисчислимы...» Другое время, другой регион, увы, не им самим, по выработанному для себя правилу, пристрастно проверенный злосчастный сварной шов на уникальном трубопроводе, и при всем при этом требовательно строгий спрос с министра за беспрецедентное чрезвычайное происшествие на одном из объектов принятой им в руководство отрасли... И уже там на месте, оценив всю страшную реальность, он будет вспоминать свою с молодых инже-

нерных лет перепроверяющую настырность. И, увы, воспоминания никак не умерят бешенный ритм сердца... Но это через целую жизнь молодого человека).

«Вскоре, — продолжил воспоминания Б.В. Колесников, — наши пути несколько разошлись. Василий Александрович перешел работать к Тер-Минасову.»

Арам Мосесович Тер-Минасов стал первым истинным наставником В.А. Динкова на инженерном поприще. Опытный производственник, он сразу обратил внимание на молодого заместителя начальника газокompрессорного цеха «Абиннефти», поднявшегося до этой должности за пять месяцев работы. Обнаружилось и единство взглядов в оценке роли, которая, неадекватно истинной значимости, отводилась в народном хозяйстве природному газу. Василий Александрович всегда с большой теплотой отзывался об Араме Мосесовиче, храня в душе благодарную память, которая сохранила мельчайшие подробности первых шагов по упорядочению и систематизации эксплуатации Александровского, Каневского, Ленинградского и других газоконденсатных месторождений. Их объединенные усилия получили поддержку руководства «Краснодарнефти», и новый 1956 год был отмечен рождением на Кубани газового управления объединения «Краснодарнефть», которое возглавил А.М. Тер-Минасов. Кубанские газовики опережали Центр организационно. Начальником производственно-технического отдела был назначен В.А. Динков. Через четыре месяца, уже исполняющий обязанности главного инженера, Динков обеспечивал ставший знаменательным успех бригады мастера А. К. Редина, пробурившей скважину № 1 «Каневскую», давшую промышленный приток газа.

При полном отсутствии какой-либо технической информации, не говоря об отсутствии столь важного в таком взрывоопасном деле, серьезного опыта разработки газовых месторождений, при довольно слабых познаниях в отраслевой технике исследования залежей, полагаться лишь на институтские знания молодого исполняющего обязанности главного инженера было делом довольно рискованным. И тем не менее, А.М. Тер-Минасов безошибочно оценил в Динкове грамотного специалиста, рекомендации и ответственные решения которого положили фактическое начало технически продуманному, комплексному решению проблем нарождавшейся газовой промышлен-

ности. Это был год памятного для судеб страны XX съезда КПСС с последовавшим этапом жизни, отмеченным «Хрущевской оттепелью». Время вселяло людям оптимизм. Оптимизм газовиков подтверждало принятие новой топливно-энергетической политики страны и VI пятилетний план 1956—1960 гг., который предусматривал четырехкратное увеличение добычи газа против 9 млрд м³ в 1955 г. (фактически добыча в 1960 г. была увеличена более чем в пять раз и составила 45,3 млрд м³), наконец, было осуществлено организационное упорядочение газовиков созданием 2 августа 1956 г. Главного управления газовой промышленности при Совете Министров СССР (Главгаз СССР) во главе с **Алексеем Тихоновичем Шмаревым**. И хотя эмоциональный нрав Хрущева в стремлении распрощаться с наследием культа личности и его атрибутами, отразился на судьбе традиционных «пятилеток», и прекратившая существование в 1958 г. VI пятилетка была заменена на семилетку 1959—1965 гг., преимущественно опережающее развитие газовой промышленности получило в новых планах дальнейшее развитие. В 1965 г. намечалось пятикратное увеличение добычи газа против 30 млрд м³ в 1958 г. (Отметим, что этот уровень добычи был достигнут в 1967 г., когда отраслью руководило Министерство газовой промышленности.)

На первых порах, с использованием накопленного первичного опыта кубанских геофизиков и геологов и с привлечением краснодарских машиностроителей В.А. Динков организовал конструирование и изготовление специальных технических средств для систематического исследования газоконденсатных скважин. Это позволило обеспечить успех освоения все новых открытий геологов. Число газовых месторождений стремительно росло: Каневское, Ленинградское, Челбасское, Сердюковское, Березанское, Некрасовское, Староминское, Майкопское, наконец, вступившие в разработку газовые залежи Анастасиевско-Троицкого месторождения, залежи Славянского и фрунзенского месторождений. В промышленности Краснодарского края 1956 год был ознаменован подачей первой сотни миллионов кубометров газа Анастасиевско-Троицкого месторождения в Новороссийск для цементных заводов.

Это был год открытия в Узбекистане крупнейшего Газлинского месторождения, время интенсивных поисков природного газа в Западной Сибири, где окрыленные успехом в Березово

геологи обещали открытие гигантских месторождений. И, работая на Кубани, В.А. Динков не ослаблял усилий по приближению времени «большого газа» в стране.

За газопромысловым управлением № 1 стала закрепляться репутация надежного производственного подразделения объединения «Краснодарнефть», продукцией которого были очень важные для страны природный газ и газоконденсат. Это было началом развития газовой промышленности района, обнаружившим и несовершенство применявшихся до этого неэкономичных малопроизводительных индивидуальных систем сбора и подготовки нефтяного газа. Василий Александрович смог объединить разрозненные инженерные усилия энтузиастов газового дела, таких как геолог В.И. Петренко (впоследствии доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент Российской Академии наук) и целой плеяды молодых специалистов-газовиков. Среди них А.Г. Гудзь, Г.П. Сулименков, В.Я. Никифоров, Н.С. Кушнарев, Б.Ф. Кузлин, Н.С. Карасев, В.Я. Шевчук, В.А. Коновалов, Н.Ф. Ретюнский...

Многие из краснодарских коллег В. Динкова через десять лет составят созданный им костяк главного управления по добыче газа Мингазпрома СССР в Москве, который он возглавит в апреле 1966 года.

В 1957 году В.А. Динков — главный инженер газопромыслового управления. Это был год реорганизации народного хозяйства. 10 мая 1957 года Верховный Совет принял Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, в соответствии с которым было упразднено 25 министерств, в том числе Миннефтепром СССР. Народное хозяйство начало управляться через совнархозы. В Краснодарский край это решение принесло неосценимое благо. Став одним из 74 совнархозов России, Краснодарский совнархоз оказался отмеченным исключительностью. Судьбе было угодно распорядиться так, что руководителем Краснодарского совнархоза был назначен бывший министр упраздненного Министерства нефтяной промышленности СССР. Его возглавил **Николай Константинович Байбаков**.

Могла ли пройти незамеченной для человека, девизом которого на всю жизнь был и в 90 лет остается труд, труд и труд, одержимость молодого главного инженера газопромыслового

управления «Краснодарнефть» созидательным трудом и, главное, в безошибочно точно выверенном направлении.

До Краснодарской периферии доходили отголоски настойчивых усилий первого профессионала-нефтяника, назначенного министром нефтяной промышленности СССР еще в военном 1944 году. Николай Константинович со своими единомышленниками доказывал необходимость выделения в стране газодобывающей отрасли промышленности. Высшее же руководство страны, проявляя, как выяснилось, чрезмерную осторожность, не проникалось пониманием и верой в перспективность ресурсных возможностей газообразных углеводородов. В конечном итоге усилия министра увенчались указанным ранее успехом. Добыча и транспорт газа в стране были централизованы под управлением Главгаза СССР.

Для В.А. Динкова это был добрый знак. Новость вселяла надежду в осуществимость студенческой мечты — активно участвовать в создании мощной газодобывающей промышленности уже в масштабе страны. Появившаяся возможность утоления профессионального информационного голода и приобщение к потоку информации о состоянии и тенденциях развития мировой газовой промышленности подтверждали верность оценок институтского профессора и уже развитой инженерной интуиции о высокой рентабельности этой отрасли. Вопрос о зарубежной информации был отнюдь не праздным. Незадолго до той поры сведения о достижениях мировой газодобывающей промышленности, равно как и о других достижениях капиталистических стран, были предельно тенденциозны и скупы. Официальные переводы появлявшихся в профессиональной зарубежной печати статей распространялись у нас по специальному списку официально допущенных к ознакомлению с этой «конфиденциальной» и «секретной» информацией. Хотя, от кого секреты? Так что, до 1956 года специалисты на промыслах фактически жили в неведении о делах своих коллег за рубежом. Радовало то, что постоянно укрепляясь в сознании, идея развития газовой промышленности в стране стала обретать влиятельную поддержку. Эффект этой поддержки был приумножен решительной помощью, проявленной с совершенно неожиданной стороны.

Когда в стране приступили к организации совнархозов, то некоторые, достаточно влиятельные и усердные ревнители это-

го, объективно полезного и не безоглядно и не во всех сферах применимого, новшества направили копы и против год, два, как организованного Главгаза СССР. Судьба организации повисла на волоске. Но у высшего руководства страны хватило мудрости выслушать и аргументы руководящих специалистов Главгаза. Организация была спасена решением Н.С. Хрущева после продолжительной и, как было отмечено историей, внимательной беседы с Ю.И. Боксерманом, аргументы которого оказались убедительней предложений ревностных клерков. Восторжествовал здравый смысл.

Для В.А. Динкова появление в Краснодаре Н.К. Байбакова стало очевидной удачей. Многоопытный руководитель безошибочно оценил в молодом коллеге незаурядные инженерные знания, руководящее дарование, а главное четкое видение пути развития в стране газодобывающей отрасли, за автономное развитие которой он до последних возможностей не ослаблял личных усилий.

Их сблизили единомыслие в решении этой, по их глубокому убеждению, важной государственной проблемы, установившееся взаимопонимание выпускников одного вуза и решимость довести не дающую покоя идею до реализации, показав её осуществимость на примере Краснодарского края. Пусть и слабое, но все же благо, совнархозы получили важные рычаги самостоятельного решения вопросов регионального экономического развития. Наконец, их не могли не связать мужественно преодоленные испытания в минувшей войне, с которой на разных фронтах они столкнулись лицом к лицу в тяжелейшем для судьбы Отечества 1942 году.

(«Василий, ты из породы созидателей. Этим всегда и отличался», — скажет в заглавном тосте за торжественным столом в день 70-летия В.А. Динкова, обращаясь к нему, Николай Константинович. И эта емкая характеристика в устах многоопытного руководителя найдет единодушное внутреннее согласие собравшихся в тот прекрасный и памятный вечер.)

Результаты последовавшего непосредственного сотрудничества В.А. Динкова и Н.К. Байбакова и целенаправленных усилий замечательной плеяды специалистов в Краснодарском совнархозе — **Виктора Алексеевича Брагина, Александра Григорьевича Задова, Али Керимовича Караева, Вартана Александровича Амияна** и многих других, пусть и на различных уров-

нях ответственности, не замедляли сказаться впечатляющими успехами на всех направлениях хозяйственной деятельности края, материальной основой которой стали нефть и решительно набравший объемы добычи газ.

Первый крупный руководящий успех В.А. Динкова «за активное участие в развитии газовой промышленности Кубани» был отмечен в 1959 году. Стоит ли говорить об особой ответственности главного инженера за успех научно-технической политики в промышленном производстве? Назначенный в 1957 году главным инженером управления В.А. Динков обеспечил начало и продолжение успеха в эксплуатации газоконденсатных месторождений, открытых на севере края, с подачей природного газа уже в Москву, Ленинград, Ростов-на-Дону и др. Благодаря содержанию конденсата кубанский газ был ценным сырьем для химической промышленности.

Его выступление в феврале 1959 года на итоговом совещании с отчетом об успехе реализованных инициатив было особо отмечено руководством Краснодарского совнархоза, и он очень быстро выдвинулся в талантливую руководителя газового направления деятельности Совнархоза.

В 1959 году удельный вес добычи Краснодарского газа по стране составил 7 %, и край вышел на третье место по РСФСР, уступив лишь Волгоградской области и Ставрополью.

Но именно в 1959 году суммарный объем добытого в США газа составил 325 млрд м³ и это почти на порядок превышало отечественное достижение. Специалисты, посетившие в 1958 году Всемирную выставку в Брюсселе, не скрывали восторженного отношения к экспонировавшимся достижениям американских фирм и особенно к масштабам их капиталовложений в разведку и разработку месторождений природного газа. Эти сведения наполняли Василия Динкова непреодолимым желанием добиться поставленной цели.

В те годы усилиями Н.К. Байбакова в Краснодарском крае значительно возрос темп сооружения сахарных заводов. Всеми работами по их газификации руководил В.А. Динков. Каждое утро вместе с Байбаковым он отправлялся на строительные площадки сахарных заводов, а их было 13, и на каждой помимо работ по газификации Василий Александрович занимался и вопросами монтажа технологического оборудования, который осуществлялся непосредственно после установки фундаментов.

На снимке главный инженер газопромыслового управления Краснодарского совнархоза В. А. Динков. Краснодар, 1959 г.

В дни пусковых работ он пропадал на строительстве неделями и результатом этой деятельности был замечательный успех, которым завершилась сахарная эпопея. После пуска всех 13 заводов край ежегодно производил более 1 млн т этого важного пищевого продукта. Первоначально же край производил всего 40 тыс. т на двух небольших заводиках, как об этом пишет в своих воспоминаниях Н.К. Байбаков.

В 1960 году уже начальник вновь организованного при совнархозе отдела добычи и переработки газа Управления нефтяной и газовой промышленности «Краснодарнефть» В.А. Динков вывел край на второе место по добыче газа в РСФСР с удельным весом в общесоюзной добыче, равном 11,6 %.

Им всерьез стали интересоваться в Москве. Его личное знакомство с руководителем Главгаза **Алексеем Кирилловичем**

На снимке руководители Краснодарского совнархоза. Сидят слева направо: А.К. Керимов, Н.К. Байбаков, А.П. Задов, В.А. Брагин; стоит второй слева В.А. Динков

Кортуновым состоялось в 1962 году при весьма курьезных, как об этом вспоминал Василий Александрович, обстоятельствах. Пребывая в ожидании приема в помещении Главгаза, куда он прибыл из Краснодара в командировку и пытаясь почерпнуть сведения о начальнике, крутой характер которого был известен повсеместно и которого он не знал в лицо, В.А. Динков, буквально лицом к лицу с Алексеем Кирилловичем, интересовался о нем у такого же несведующего коллеги. Скажем прямо, не самые лучшие условия для знакомства. Но для одержимых делом начальника и подчиненного этот курьез прошел абсолютно безобидно, вызывая впоследствии лишь улыбки воспоминаний о столь недипломатичной молодости. Более того, после той командировки, в Краснодар Динков уже возвращался начальником Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР, того самого Главгаза, с жизнестойкостью которого он со своим краснодарским руководством связывал столько созидательных надежд.

И буквально, с места в карьер, едва возглавив краснодарских эксплуатационников газопроводов, он был направлен руководством Главгаза в срочную командировку на Урал к челябинским трубопрокатчикам для содействия решению внезапно возникшей проблемы. В 1962 году, в пору обострения отношений с западными странами, вызванного сооружением в 1961 году Берлинской стены, западногерманский канцлер Конрад Аденауэр наложил запрет на поставки в нашу страну труб большого диаметра (в те годы это трубы диаметром 1020 мм) для магистральных газопроводов. Под угрозой срыва оказалось сооружение газопроводов Средняя Азия — Урал и Северный Кавказ — Центр, с пуском которых планировалось решение проблем обеспечения этих важных регионов жизненно необходимым газовым топливом. Потребовалось принятие срочных оперативных мер по организации отечественного производства труб подобного диаметра. Представителю заказчика от эксплуатационников В.А. Динкову поручалось принять непосредственное участие в испытании первых образцов новой продукции на заводских стендах. Это ответственное задание было выполнено с честью. Запомнилась большая фотография на первой странице тогдашнего центрального печатного органа — газеты «Правда», на которой был запечатлен снимок первой партии труб, изготовленных челябинцами, с огромной надписью краской на заводской продукции «Труба тебе, Аденауэр!». Следует отметить, что со стороны ФРГ, в наших торговых отношениях это был, пожалуй, пик обострения отношений, один из последних рецидивов медленно уходящей в историю холодной войны. В последующие годы и десятилетия наши двусторонние отношения неизменно улучшались, и это было одним из неизбежных следствий поставок в ФРГ советского природного газа, объемы которого со временем лишь увеличивались. И самыми выразительными свидетельствами взаимовыгодности этих отношений станут миллиардные контракты с западногерманскими компаниями «Маннесман АГ» на импорт в нашу страну газопроводных труб и «Рур газ» на экспорт в ФРГ нашего природного газа. И именно это сотрудничество окажется материальной основой изменения всего политического климата в Западной Европе, которое в конечном итоге подточит и свалит ставшую совершенно бессмысленной Берлинскую стену. Так результат самоотверженного труда газовой

ков превращался в важнейший инструмент установления мира в Европе. Вот какие ценности будут завоевываться укротителями газовых богатств сибирских недр в 1960—1980-е годы в непролазных болотах, в распутицу и стужу. Но к этому еще надо было придти, до этого дожить. И ради этого бывшему фронтовику Динкову стоило неустанно трудиться и жить.

Крестником В.А. Динкова в Главгазе выступил **Михаил Васильевич Сидоренко**, первый заместитель председателя Газпрома СССР. Он впервые увидел В.А. Динкова в деле в тяжелейшие дни ввода в эксплуатацию Ленинградского месторождения в конце 1958 года — начале 1959 года, и его внимание привлекли распорядительность и глубокие технические знания главного инженера газопромыслового управления № 1.

И об этом лучше прочесть в воспоминаниях бывшей курсницы Василия Александровича по институту и сотрудницы Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР **Ларисы Петровны Низиенко**.

«Осень 1958 года выдалась дождливой с невероятной распутицей. На кубанских черноземах безнадежно застревала колесная техника. Выручала лишь техника гусеничная. В эти тяжелейшие недели вводились в эксплуатацию новые месторождения Каневское, Ленинградское, Челбасское. На хуторе Куликовском подолгу находился прибывший из Москвы заместитель председателя Газпрома СССР М.В. Сидоренко со своими помощниками. Здесь же в те дни практически безвыездно жили главный инженер газопромыслового управления объединения «Краснодарнефть» В.А. Динков и многие другие специалисты.

Центру нужен был газ, и обустройство газовых промыслов, а также строительство газопроводов должны быть завершены в срок, не взирая ни на что.»

Эта формула «в срок, не взирая ни на что» станет нормой производственно руководящей деятельности пока лишь молодого руководителя — специалиста В.А. Динкова на всю последующую жизнь. Установленная в стране традиция требовала «трудовые подарки к важным событиям жизни», ближайшим из которых значилось открытие 27 января 1959 года XXI съезда КПСС. Это обстоятельство взвинчивало напряженность на строительстве газопровода до невероятных пределов. Благо, газ Ленинградского месторождения стал подаваться в Центр по га-

Посещение заместителя министра газовой промышленности СССР М.В. Сидоренко и начальника главного управления по добыче газа Мингаз-прома СССР В.А. Динкова Краснодарского края.

На снимке слева направо: М.В. Сидоренко, четвертый В.А. Динков. Краснодарский край, конец 1966 г.

зопроводу Краснодарский край - Серпухов - Москва за три дня до отмеченного во всех графиках дня, 24 января 1959 года. И М.В. Сидоренко с глубоким удовлетворением рекомендовал В.А. Динкова на пост начальника созданного в 1962 году Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза. КОРТУНОВ решительно поддержал предложение.

И с этого времени возникшее с А.К. КОРТУНОВЫМ тесное сотрудничество В.А. Динкова лишь укреплялось. Обычно в высшей степени сдержанный в выражении личных пристрастий Василий Александрович всегда высоко ценил руководящее и человеческое достоинства Алексея Кирилловича и всю оставшуюся жизнь с гордостью подчеркивал свою личную благодарную приверженность «школе КОРТУНОВА».

О характере Алексея Кирилловича КОРТУНОВА и складывавшихся между ними отношениях руководителя и подчиненного интересно привести воспоминания В.А. Динкова, из изданной в 1999 году книги «Алексей КОРТУНОВ».

«Сейчас мало кто помнит (речь о 1960—1970-х годах), что тогда постоянно существовала угроза перебоев газоснабжения отдельных важных потребителей, в том числе и в самой Москве. Приходилось использовать особые схемы и за счет одних потребителей временно поддерживать других, а затем наоборот. Безусловно, это не всем нравилось. Поступали жалобы, и не только в наш адрес, нередко они направлялись напрямую в правительство и ЦК. Следовали звонки сверху. Частыми были случаи, когда среди ночи звонили и предупреждали, что из-за нехватки газа через пару часов может остановиться какое-то предприятие. Приходилось немедленно принимать ответственное решение. В такой обстановке крайне важно было рассчитывать на поддержку руководства.

Помнится, — продолжает В.А. Динков, — один из таких чрезвычайных случаев, возникших, как всегда, среди ночи. Для принятия единоличного решения моей компетентности было недостаточно. Звоню председателю Госкомитета Совмина по материально-техническому снабжению В.Э. Дымшицу. **Вениамин Эммануилович** начинает тяжело вздыхать: «Сейчас ночь, обращаться к кому-то бесполезно. Делай сам, как знаешь. Пока проснутся, разберутся, к тому времени, может быть, или все уладится или найдется другое, более удачное решение. Только при этом на меня, пожалуйста, не ссылайся.»

КОРТУНОВ был руководителем другого склада. Он либо сам принимал ответственное решение, либо доверял его принятие подчиненному. Но в последнем случае, даже когда по принятому решению начинались тревожные звонки из ЦК, он обычно говорил: «Не обращай внимания, специалисту лучше знать, как делать свое дело. Но если будут уж очень сильно давить, сошлись на меня и продолжай делать, как считаешь лучше.» Такая поддержка давала уверенность и силы при решении даже самой трудной задачи.

В то же время следует признать, что с подчиненными КОРТУНОВ нередко был очень жестким, порой даже жестоким, хотя и умел слушать их мнение. Я имел возможность испытать это на себе. Однажды в конце года всем заказчикам, в том чис-

ле и Главгаздобыче, было поручено согласовать сроки ввода в эксплуатацию очередных объектов. В то время у нас был один незавершенный объект в Краснодарском крае — конденсатор-провод от Майкопа до Афинского газоперерабатывающего завода. Из-за плохих погодных условий строители явно срывали сроки окончания работ, были серьезные претензии и по их качеству. Воспользовавшись моментом, я решил перенести срок завершения работ на апрель.

На заседании Коллегии Кортунов узнал об этом и был крайне возмущен. Досталось мне по-крупному и в самых резких выражениях. Ругать он умел...

После такого публичного разноса впору было подумать о переходе на другую работу. Попросился на прием и заявил об этом министру. Он даже удивился: «...Нужно не обижаться, а делать выводы и исправлять допущенные ошибки... надо более жестко требовать от строителей, не боясь испортить с ними отношения.... К тому же, если бы я согласился с вашим предложением, то и другие решили бы, что можно безнаказанно срывать сроки. А это губительно для всей отрасли».

Я, прежде чем стал министром газовой промышленности, успел поработать со многими руководителями высокого ранга. С этих позиций о Кортунове могу сказать, что он был одним из лучших министров газовой промышленности страны».

В течение 1960-х годов его руководящей работы в краевой газовой подотрасли наблюдался неуклонный рост добычи природного газа, что обеспечило в 1964 году выход края на первое место в РСФСР по этому показателю. Это был весомый подарок стране к своему сорокалетию.

Но за год до этого в жизни газовиков Краснодарского края произошло важное событие. За комплексное решение проблемы эксплуатации и разбуривания газовых и газоконденсатных месторождений в 1963 году десяти руководителям было присвоено звание лауреатов Ленинской премии...

У человека пытливого ума, каким был В.А. Динков, производственная деятельность сопровождалась творчеством, и поэтому осуществление не дававшей ему покоя идеи низкотемпературной сепарации газа для его качественной подготовки на групповых установках Василий Александрович просто считал рутинным решением производственной задачи. А это было изобретением, к повсеместному внедрению которого подклю-

чилились и специалисты ВНИИнефти. Новшество позволило значительно увеличить объем добываемого и транспортируемого газа и газоконденсата. Когда же ему стали напоминать, что изобретение необходимо соответствующим образом оформить и за него полагается вознаграждение, он лишь отшучивался, заявляя, что главное, чтобы идея была материализована в надежно работающий технологический процесс...

Эту черту характера старосты институтской группы и потока Василия Динкова Лариса Петровна Низиенко запомнила на всю жизнь.

«В 1962 году, — продолжает Л.П. Низиенко, — на соискание Ленинской премии была выдвинута работа по комплексному решению проблемы эксплуатации и разбуривания газовых и газоконденсатных месторождений в Краснодарском крае. Роль нашего руководителя В.А. Динкова в инициировании и решении значительной части указанных проблем была общеизвестна и мы, рядовые сотрудники управления, терялись лишь в одних догадках, — кто ещё, помимо Динкова, получит высокое признание личного вклада в столь важное дело. В день радиобъявления лауреатов мы в гордом волнении за своего руководителя собрались в актовом зале управления, первыми услышать долгожданную весть и поспешить поздравить Василия Александровича с заслуженной наградой. Наконец-то хорошо поставленный голос московского диктора стал перечислять коллективы награжденных, и мы терпеливо дождались упоминания краснодарской проблемы. Диктор стал перечислять фамилии: первая, вторая, пятая, восьмая, наконец десятая. Но где же фамилия Динкова, или мы что-то недослышали? Отнюдь, среди десяти лауреатов Ленинской премии за 1963 год по указанной проблеме фамилия Динкова не значилась. Взрыв возмущения был всеобщим, и мы тут же решили направить в Комитет по Ленинским премиям письменный протест. Наш пыл остудил Василий Александрович. Он собрал всех и категорически потребовал прекратить обсуждение этой темы: «Мне достаточно лишь знать самому, что я один из первых авторов комплексного решения указанной проблемы...». Вот с каким удивительным человеком и замечательной личностью мне посчастливилось учиться, а затем и трудиться на избранном поприще.»

От себя отметим, что сказанное молодым руководителем подтверждалось изданием с соавтором в том же 1963 году в

Москве Гостопиздатом 234-страничной книги «Проектирование разработки и эксплуатации газоконденсатных месторождений (газоконденсатные месторождения Краснодарского края)». В послужных же сведениях о поощрениях и награждениях В.А. Динкова за этот период мы нашли лишь лаконичную запись — «...награжден денежной премией в сумме 84 рублей...». Дважды. В августе и ноябре 1963 года. Он приблизительно догадывался почему так произошло. За год до этого он столкнулся с первой для себя неожиданностью. Это произошло в 1962 году в Москве. Но об этом несколько позже.

Правомерно ли в данном случае напомнить о прозвучавшем в том же году на другом конце планеты и по иному поводу из уст президента США Джона Кеннеди изречении, что «у успеха сотни родителей, поражение же — сирота»? Полагаю, что небезосновательно и даже бесспорно. Безошибочно точно вносит свое определяющее суждение лишь история. И она скажет свое веское слово...

Здесь же уместно отметить, что много лет спустя, став в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 232 от 21 апреля 1971 года членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области науки и техники при Совете Министров СССР, он постарался трудиться в Комитете так, чтобы кесарево доставалось кесарю.

Мне бы хотелось со словами благодарности обратиться к **Галине Сергеевне Гуляевой**. Полученные от нее в книгу пять с половиной страниц печатного текста, — это не просто воспоминания о Василии Александровиче и дань его памяти, но удивительно интересный и содержательный социально экономический и политический анализ топливно-энергетического комплекса страны, подготовленный компетентным профессионалом своего дела и очень наблюдательным человеком, патриотом своей Родины. В нем и гордость за наши, воистину беспримерные свершения в ТЭКе 60-х и 70-х годов и горечь за огрехи «демократов», как с болью выделяет она слово в кавычках, в решении проблем топливообеспечения страны.

«С В.А. Динковым, — пишет Галина Сергеевна, — я впервые встретилась в 1961 году, когда по депутатским делам в очередной раз приехала в объединение «Краснодарнефть». Вопрос решался у главного инженера объединения В. П. Шейкина, который до этого был начальником НГДУ «Черноморнефть», где

я и работала. Тогда я отметила про себя обстоятельность В.А. Динкова и превосходное знание дела. Мой муж:, А.И. Гуляев, занимался в те годы проектированием промысловых объектов и поэтому неоднократно встречался по этим вопросам с В.А. Динковым и также отмечал его как грамотного специалиста, детально знающего, что очень важно, промысловое дело. В 1962 году, когда создавалось Краснодарское управление магистральных газопроводов (УМГ) в системе Главгаза СССР, мы с мужем получили приглашение на работу и стали там работать.

В то время Краснодарский совнархоз, в который входили все нефтегазовые промысла Кубани, возглавлял всеми уважаемый Н.К. Байбаков. Он прибыл в Краснодарский край в связи с ликвидацией отраслевых министерств, будучи до этого министром нефтяной промышленности, и при решении этого важнейшего вопроса кажется единственный выступил с вполне обоснованным возражением против разрыва нефтегазовой промышленности на региональные управления. Однако его возражения не были приняты во внимание. Краснодарскому краю его назначение очень помогло, так как несмотря на значительно развитую там нефтегазодобычу, все бывшие тамошние руководители, при очевидном жизненном и производственном опыте, были людьми провинции. Н.К. Байбаков же на личном примере показал образец руководителя государственного масштаба. Думаю, что и назначение В.А. Динкова начальником Краснодарского УМГ состоялось при определяющем влиянии Н.К. Байбакова, который безошибочно выявлял потенциальные профессиональные качества работников и умело помогал им в непростом становлении, выдвигая на должность руководителей. Когда, еще будучи наркомом нефтяной промышленности, он приезжал в динамично развивающийся район нефтедобычи, на Кубань (месторождение Зыбза) и, как правило, участвовал на созываемых больших совещаниях, то туда приглашались не только руководители, но и мастера, операторы, все те, кто личным, непосредственным участием осуществлял это развитие. Перерыв сопровождался живым общением в беседе равного с равными. В дальнейшем это прекрасное качество было неоднократно мною замечено и у В.А. Динкова.»

«В первое время нашей совместной работы, — продолжает Галина Сергеевна, — мне казалось, что В.А. Динков излишне

мягко, иногда надо бы и «дать» как следует нерадивому работнику, но по мере того, как все более усложнялась наша работа приходило понимание того, что это не мягкость, но самообладание и выдержанность, умение владеть эмоциями и не срывать на подчиненных порою уязвленное самолюбие. В связи с этим вспоминается такой эпизод. Примерно в декабре 1964 года произошло значительное похолодание, но, что для нас было крайне нежелательно, оно произошло в южных районах. По жесткому графику работ, который контролировался лично А.К. Картуновым, руководителем Главгаза, именно к этому времени необходимо было подключить к газопроводу несколько пробуренных газовых скважин. Но дождливая зима на Кубани для строителей коварней северных морозов, если почва еще не замерзла, то проложить траншею гиблое дело — она тут же заплывает. Никакие усилия не достигают цели. В Москве собралась коллегия, вел ее А.К. Картунов, были люди с производства. Первый вопрос, что делать с подключением скважин. Встал В.А. Динков, все сказал правильно, но министру нужно решение проблемы, а не объяснения, пусть и в высшей степени грамотные. Почему дело не сделано? Министр стоит за своим столом, нам, сидящим в зале и уже знавшим его, понятно, что он в ярости от невозможности решения проблемы, и вдруг на его резко поставленный вопрос — «ну, так что же будем делать?» — Василий Александрович встал, развел руками и ответил — «льет дождь с мокрым снегом». У Алексея Кирилловича глаза сузились до едва заметной щелки, по скулам забегали желваки, и он, всегда с большим уважением относившийся к Василию Александровичу, вдруг выпалил — «как ты попал в газовую промышленность?», — и через мгновение, «в метеослужбу надо подаваться, там тебе место». Установилась мертвая тишина, по-моему кое-кто, как под снарядам, втянул голову в плечи, а я прямо впились глазами в Алексея Кирилловича, не сомневаясь, что дальше все поправится, иного быть не может и не должно. Прошло несколько тягостных секунд. Алексей Кириллович поводил по столу глазами, переложил карандаши и лист бумаги, я поняла, что он приводит себя в равновесие и вдруг: «Ну, вот что, Василий Александрович, ты знаешь, что мы тебя ценим и уважаем. Еще раз собери специалистов, думайте, как выйти из положения, в любое время приходи, помощь вся возможная будет немедленно оказана», — и

перешел к следующему вопросу. В зале пронесся общий вздох облегчения. Слабый человек, вернувшись в Главк, устроил бы всеобщий разгон, чтобы сбросить этот жуткий стресс, но этого не произошло. Он сидел в кабинете, уставившись в стол, и тогда мы, несколько человек, зашли к нему с «неотложными» вопросами, сбили его с тяжелых мыслей, а наутро мороз дошел до Кубани, почва замерзла и проблема была решена.

Когда в 1972 году министром стал С.А. Оруджев, у которого заслужить похвалу было очень непросто, он неоднократно говорил в адрес Василия Александровича — «любимый замминистра».

В 1966 году в начальный период функционирования газовой промышленности как самостоятельной отрасли на нас навалились такие глыбы проблем, что сказать, что было трудно, тяжело — это не сказать ничего. Теперь, по прошествии многих лет, я и сама не могу объяснить, как же это газовая промышленность могла все содеянное осуществить. Видимо, сошлось воедино все — превосходные изначальные руководители отрасли А.К. Картунов, М.В. Сидоренко и их ученики, в основном молодой контингент районных руководителей, быстрое принятие необходимых решений в Госплане союза, которым руководил Н.К. Байбаков, высококвалифицированный состав отраслевых НИИ и проектных институтов, правильная структура министерства, где каждый солдат знал свой маневр, высокая требовательность, но и уважение руководства, расширение оперативного штаба отрасли — Центрального диспетчерского управления, укомплектованного высококлассными специалистами, досконально знающими всю систему газоснабжения страны и умело регулирующими ее работу и т.д.

1964 год был ознаменован важным событием в газовой промышленности страны. В октябре в районе Ухты, на печорском берегу Вуктыла бурение разведочной скважины завершилось мощным газовым фонтаном с большим содержанием газоконденсата. По осторожным оценкам геологов речь шла об открытии крупного месторождения. Эта весть застала начальника Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР В.А. Динкова на Кубани и ничто не предвещало его энергичное вовлечение в разработку, как становилось все более очевидным, открытого крупного Вуктыльского месторождения в Республике Коми.

Работа Василия Александровича в Краснодаре спорилась. Почти каждый пятый кубометр природного газа из общесоюзной добычи в 111,1 млрд м³ добывался в Краснодарском крае.

Стоит ли удивляться тому, что с возвращением к структуре министерств и с организацией Министерства газовой промышленности СССР во главе с Алексеем Кирилловичем Кортуновым, В.А. Динков, уже в структуре нового министерства, в декабре 1965 года был назначен начальником Объединения предприятий и организаций газовой промышленности «Кубаньгазпром» в Краснодаре.

Десять полных лет и три месяца, со 2 января 1956 года по 1 апреля 1966 года отдал Василий Александрович делу становления, развития и взлета газовой промышленности Краснодарского края. За это десятилетие добыча газа в крае увеличилась... в 63 раза (377 млн м³ в 1955 году и 23 750 млн м³ в 1965 году). Это были годы становления и динковского руководящего почерка в многосложном производстве. Впереди его заслуженно ждала более ответственная работа в Москве. На этом неустанно настаивал и в конечном итоге настоял на своем Михаил Васильевич Сидоренко.

Апрель 1966 года В.А. Динков встретил в Москве в центральном аппарате министерства начальником Главного управления по добыче газа. Для Василия Александровича началась новая жизнь, каждый день которой измерялся уже иным, значительно большим масштабом деятельности. В стране в истекшем 1965 году общее число открытых газовых, газоконденсатных и газонефтяных месторождений достигло 471, в том числе разрабатывалось 163. Общая добыча газа составила 127 млрд м³. Но в то же самое время в США этот показатель неуклонно приближался к отметке в полтриллиона кубометров, более 490 млрд, при величине разведанных извлекаемых запасов около 8 трлн м³.

Перед молодым начальником главка, как и перед всем, тщательно подобранным коллективом министерства была поставлена задача, организовать выполнение главной директивы — «догнать и перегнать!». И В.А. Динков принял бой, твердо осознавая всю величайшую ответственность перед страной. Это было, воистину, героическое время.

И первым громоподобным откликом на призыв страны стало открытие на севере Тюменской области 6 июня 1966 года

крупнейшего в мире Уренгойского месторождения природного газа, окончательная оценка извлекаемых запасов которого превысила 10 трлн м³, в нефтяном эквиваленте 9,36 млрд т (напомним, что по западным оценкам извлекаемые запасы нефти в России составляют 6,7 млрд т). Запасы Уренгоя в 1,2—2 раза превысили общие извлекаемые запасы газа в США. В том же 1966 году у поселка Красный Холм в Оренбургской области было открыто гигантское месторождение газа с запасами в 1,76 трлн м³ — крупнейшее в Волго-Уральской провинции, с 1969 года оно стало называться Оренбургским. И сложившаяся в министерстве творческая атмосфера, и в этом была неоценимая заслуга министра А.К. Кортунова, создавала столь необходимые условия для целеустремленной работы на результат (подробнее об этом см. воспоминания Ю.П. Баталина).

Но первым испытанием молодого начальника Главгаздобычи на оперативное решение крупномасштабной инженерно-экономической задачи стало освоение Вуктыльского месторождения в Республике Коми. Открытое в 1964 году Вуктыльское месторождение выгодно отличалось от тюменских и среднеазиатских источников газа близостью к центральным районам европейской части страны. Полторы тысячи километров вместо трех, трех с половиной тысяч. Прогнозные оценки запасов составляли приблизительно 3/4 трлн м³ газа и 47 млн т нефти.

Эти исходные данные сулили значительные экономические выгоды. Обстоятельства диктовали необходимость принятия решительных мер. Не дожидаясь завершения изыскательских работ и не теряя времени, главк во главе с В.А. Динковым приступил к опережающей разработке комплексного технологического проекта опытно-промышленной эксплуатации Вуктыльского газоконденсатного месторождения. Работа выполнялась непосредственно на местах.

«Вспоминаю, — продолжает Г.С. Гуляева, — как в период предельного накала при освоении Вуктыльского месторождения и строительстве газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок он вылетел туда с группой специалистов для неотложного решения каждодневно возникавших там необычно трудных проблем.

И однажды, когда обеспокоенный М.В. Сидоренко, в течение нескольких дней не получавший от него сообщения (звонить-то неоткуда), наконец-то вышел на связь, то в сердцах

крикнул ему: «Ты что там как медведь зарылся, ничего от тебя не слышно». Выслушав ответ, рассмеялся и по-отечески закончил разговор: «Ну ладно, ладно, все же звони, мы же волнуемся.»

События развивались в стремительном темпе. В сентябре 1966 года министр А. К. Картунов заслушал сообщение ухтинских геологов о месторождении. В октябре оно было обсуждено с участием Мингео СССР у руководства Госплана СССР, а уже 30 ноября 1966 года отнюдь не сентиментальный министр Картунов подписал приказ за № 762/к о премировании В.А. Динкова месячным должностным окладом «за активное творческое участие в составлении» указанного проекта.

В том же форсированном и тяжело поддающемся отлаженности режиме осуществлялось бурение эксплуатационных скважин, и, не дожидаясь необходимого в подобных случаях постановления правительства, уже с начала 1967 года начались подготовительные операции и сварочные работы по сооружению из труб диаметром 1220 мм газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок. Подоспевшее в мае 1967 года постановление правительства легализовало всю совокупность уже осуществленных и осуществляемых, достаточно рискованных, мер по полномасштабному освоению Вуктыльского газоконденсатного месторождения без полагавшегося завершения объема разведочных работ. Накал страстей и производственное напряжение тех дней на работах по обустройству промысла и строительству газопровода Вуктыл — Ухта — Торжок, с чьей-то легкой руки получившего поэтическое название «Сияние Севера», характеризует приказ Мингазпрома № 84 от 16 июля 1967 года, выдержанный в духе приказов Главного штаба действующей армии оперативным подразделениям на линии фронта: «...создать к 22 июля оперативные группы из представителей строительно-монтажных трестов, проектных институтов и организаций заказчика, а этим группам на месте принимать и немедленно осуществлять решения по упрощению способов прокладки трубопроводов, по организации доставки труб вертолетами, маневрированию ресурсами всех организаций...».

Оперативность решения строительных и эксплуатационно-производственных задач облегчалась структурой тогдашнего Мингазпрома, в подчинении которого до 1972 года находились и строители, и эксплуатационники.

«Решайте вопрос на месте...», — так, или почти так, не терпящим возражения тоном указывал главнокомандующий Сталин замнаркома Байбакову, направляя его в суровые годы войны в 1942 году на Кавказ с ответственной миссией — не дать рвущемуся в Закавказье врагу ни капли нефти. И команда Байбакова, буквально под огнем противника, выполнила свою тяжелейшую миссию.

«Решайте вопрос на месте..., — через тридцать лет напутствовал министр Картунов двух своих заместителей — эксплуатационника Динкова и строителя Баталина, отправляя их в Западную Сибирь, Республику Коми, — страна должна как можно быстрее получить природный газ Сибири.»

И объединенные усилия тандема Динков — Баталин в обстановке, мало чем отличающейся от фронтовой (разве, что без разрывов снарядов, но... от жутких морозов лопался и коржился металл), обеспечивали на месте проектирование и пуск в эксплуатацию объектов газовой промышленности.

Эксплуатационные задачи решала Главгаздобыча во главе с В.А. Динковым, немногословные воспоминания которого дают живое представление о, казалось, непреодолимых и все же преодоленных трудностях на пути к покорению Вуктыла:

«...Как осваивали Вуктыльское месторождение. Дороги-лежневки, по обочинам полузатонувшая в болоте техника. Жизнь в вагончиках. В составе рабочих есть и заключенные и условно-освобожденные. Не многие из специалистов желали здесь работать. Я собрал кого смог из прошедших производственную школу на промыслах Кубаньгазпрома, и эти люди — В.П. Шматенко, М.М. Мустафин, Л.А. Солонец, Г.С. Фирса — составили основу трудового коллектива...».

Конечно же риск был не малый. Но он базировался на глубоких инженерных знаниях существа вопроса и уже подтвержденных результатах дебита пробуренных скважин и квалифицированных оценках продуктивности пласта. Как показал результат, риск был оправданным, и глубоко удовлетворенный работой Главгаза министр 30 октября 1968 года вторично премировал В.А. Динкова «за обеспечение ввода в эксплуатацию газопровода Вуктыл — Ухта» (более подробно об этом см. воспоминания Ю.П. Баталина).

Эта работа не осталась незамеченной и у высшего руководства страны. Постановлением Совета Министров СССР от

12 июня 1967 года № 524 В.А. Динков был утвержден членом коллегии Министерства газовой промышленности. Страна переживала славное десятилетие «шестидесятников», возвращенных масштабными свершениями и одержимых неустанной жаждой созидательного действия.

Успех газовиков обусловил глубокие структурные изменения в топливно-энергетическом комплексе страны и позволил обеспечить первый выход на мировой рынок с новым высоколиквидным товаром. К 1968 году советский природный газ уже уверенно пересекал таможенную границу, и успех внешней торговли советским природным газом подтверждался фактом его всё увеличивающегося экспорта. Ко всем, наиболее значительным достижениям министерства В.А. Динков имел самое непосредственное отношение.

«1966 год, — пишет Г.С. Гуляева, — стал началом невиданных в мире темпов развития отрасли. За пятилетие 1965 — 1970 годы в Красноярском крае были решены следующие стратегические задачи: освоено месторождение Мессояха, построен двухниточный газопровод Мессояха — Норильск...»

Но об этом по-подробнее.

«Мессояха», этот таинственно приглушенный звук чем-то сродни ценному и редкому северному зверю, зачастил на слуху у газовиков в 1968 году уже в пору выхода советского природного газа на европейский рынок по газопроводу «Братство». Именно в 1968 году была подвергнута первому серьезному испытанию способность теперь уже молодого члена коллегии Мингазпрома В.А. Динкова решать неординарную задачу в необычных условиях. Она была по-военному четко сформулирована министром Картуновым — в кратчайший срок обеспечить природным газом Норильский горно-металлургический комбинат. И паролем этого, казалось, неподъемного в поставленные сроки задания стала Мессояха. (В ту пору директором Норильского горно-металлургического комбината был пользовавшийся большой известностью и уважением в стране **Владимир Иванович Долгих**, впоследствии секретарь ЦК КПСС по промышленности, курировавший ТЭК.) Враз озвученная газовиками и строителями трубопроводных трасс Мессояха завладела средствами массовой информации. Незадолго до этого, поздравивший газовиков с началом экспорта природного газа в «Европу» Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин на сове-

пции в Тюмени не случайно поддержал предложение А.К. Кортунова о решении серьезных проблем энергообеспечения работавшего на угле и испытывающего трудности Норильска. На совещание в Тюмень были собраны в 1968 году те единственные в стране (потом они окажутся первыми в мире), кому решение подобной задачи оказалось по плечу. Спасение виделось в переводе энергообеспечения Норильского комбината и всего Норильского региона с малокалорийного угля на высококалорийный природный газ. Хранили же спасительный газ недра Мессояхи. По сибирским меркам «под боком» у самого северного горно-металлургического гиганта, в «каких-то» 260 км с небольшим от него и при переходе, пусть и двумя дюкерами, но «лишь одного Енисея» в 1967 году геологи на глубине 900 м обнаружили Мессояхскую группу северных месторождений природного газа, извлекаемые запасы которых оценивались в 400 млрд м³. И кому, как не Динкову было руководить разработкой этого месторождения. Правда и разработчиков, и строителей газопровода смущала вечная мерзлота заполярной тундры. Ведь ни отечественного, ни сколько-нибудь существенного мирового опыта сооружения газопромысловых объектов и трубопроводов в подобных условиях в природе по-просту не существовало.

За год до тюменского совещания, в октябре 1967 года, прибывшие по инициативе министра нефтяной промышленности В. Д. Шашина на предприятия Главтюменнефтегаза в рамках советско-канадского сотрудничества канадские специалисты поделились своими соображениями и опасениями о проблемах создания нефтегазотранспортной инфраструктуры в условиях полярной вечной мерзлоты. Занимаясь всесторонними исследованиями проблемы неизбежного освоения нефтегазовых богатств Заполярья, они предупреждали о многих непредвиденных технических и экологических сложностях, о фактически неразрешенных технологических проблемах, с которыми им пришлось столкнуться при осуществлении на специальных участках и в лабораториях экспериментальных работ по созданию промысла, сооружению и эксплуатации нефтегазопроводов в суровых арктических условиях на суше в зоне газогидратов. Указывая на капиталоемкость подобных проектов и на их нерентабельность при низких мировых ценах на нефть (в 1967 году стоимость одного барреля едва превышала один дол-

лар, стоимость же 1000 м³ алжирского природного газа составляла 11 английских фунтов стерлингов), они склонялись к перенесению сроков реализации подобных проектов до лучших рыночных времен.

Этими сведениями на следующий год живо интересовался В.А. Динков, приступивший к выполнению поручений министра. Канадские оценки нисколько не ослабляли решимости наших специалистов и руководителей выполнить важное правительственное задание.

Кстати, ничего о подобных работах в Заполярье не слышали и члены советской делегации во главе с А.К. Картуновым, посетившие задолго до этого, в 1962 году, США по приглашению Американской Газовой Ассоциации.

Перед штурмом Мессояхи, для выяснения истинного положения дел на месте, министр Картунов в 1968 году срочно направил в целевую командировку в Канаду Динкова, где он посетил канадский исследовательский центр и полигон по испытаниям трубопроводов в условиях вечной мерзлоты. Надо подчеркнуть, что Алексей Кириллович отличался ещё и тем, что считал необходимыми регулярные посещения Динковым головных предприятий ведущих мировых газовых компаний, чтобы тот из первых рук знакомился с уровнем развития мировой газовой промышленности. Стараниями А.К. Картунова это стало возможным после преодоления сложностей в этом вопросе, возникших в 1962 году. Он небезосновательно считал, что «Динкову дано увидеть больше», и этим многое сказано. Это позволяло устанавливать с ответственными представителями ведущих зарубежных компаний желанные и для них личные контакты со столь высококомпетентным советским руководителем бурно развивающейся газовой промышленности, что, как показала жизнь, было немаловажным фактором при реализации порою не терпящих отлагательства решений Мингазпрома. (См. воспоминания Э.Г. Одинцовой.)

Франция, Италия, Канада, Австрия, вновь Италия и вновь Канада. Высокореzультативные командировки в эти страны в картуновскую пору в 1966— 1971 годы заложили важную основу, подтверждая полезность расширения объективно деловых связей с зарубежными странами.

Уже впоследствии стало известно, что открывшие в 1968 году на Аляске крупнейшее месторождение нефти Прад-

хо Бей американцы лишь в 1973 году приступили к строительству Трансалайского трубопровода в тундре к незамерзающему морскому терминалу на юге полуострова. Их подстегнул внезапный рост цен на нефть вследствие объявленного арабскими странами эмбарго на поставки нефти в США и в другие страны, выступившие в поддержку Израиля в арабо-израильском конфликте 1973 года. Так что с коварством вечной мерзлоты при сооружении трубопровода американцы столкнулись лишь в 1973 году. Но в 1973 году к началу сооружения нефтепровода на Аляске Норильск уже четвертый год получал природный газ из Мессояхи по газопроводу, уложенному на сваях. Этому героическому свершению предшествовал изнурительный самоотверженный труд тысяч специалистов по созданию газового промысла и прокладке газопровода. Температура зимой доходила до минус 51 °С, превращая тонкую почву тундры в твердый бетон. Как показывали эксперименты, вечная мерзлота, столь удобная в зимнее время материя для движения транспорта, бурения скважин и прокладки траншей с использованием мощной землеройной техники, обнаруживала все свое коварство лишь при прохождении долотом могучей толщи газогидратов. На поверхности же оно обнаруживалось после наполнения поступавшей из скважины нефтью или природным газом уложенной на дно траншеи и тщательно изолированной трубы. К ужасу свидетелей начиналось невообразимое. Из-под покрывавшей траншею насыпи, точно туловище рукотворной «анаконды» или корпус бесконечно длинной подводной лодки, на ставшую зыбкой поверхность начинала всплывать... труба.

Повинуясь законам физики, смерзшаяся вечная мерзлота не могла выдержать испытание теплом в 160 градусов по Фаренгейту (плюс 70 °С), которое выносилось из под вечномерзлых глубин заполярных недр газом или нефтью. Экспериментальный лупинг, заполненный этим теплоносителем, превратил четко очерченную траншею в протяженное болото с бесформенными берегами, между которыми на плаву пульсировала труба. От окружающей среды изоляция ее не оградила. Было ясно, что бурение мощной толщи газогидратов и создание надежно работающего газового промысла таят непредсказуемые последствия.

Для сооружения газопровода требовалось принципиально иное решение. И опытный строитель А.К. Картунов в 1968 го-

ду выдвинул идею укладки труб Мессояхского газопровода на свайных опорах. Этот конструктивный элемент традиционно широко использовался в отечественном домостроении в условиях вечной мерзлоты. Но, одно дело апробированное на практике сооружение дома на свайном фундаменте с учетом периодических сейсмических возмущений и совсем другое дело беспрецедентное размещение пульсирующей трубы на сваях. Выбор диаметра трубы в 720 мм был не случайным. Этот диаметр был впервые апробирован в стране на трассе Ставрополь — Москва, пуск которой состоялся в декабре 1956 года.

Столкнувшись с этой проблемой в 1973 году, американцы решали ее с поистине американским техническим размахом. Посетившая Аляску в 1976 году с краткосрочным визитом по исследованию вечной мерзлоты группа советских специалистов в составе Ю.П. Баталина, О.М. Иванцова и других сделала описание сооруженного американцами нефтепровода. Более 600 км его линейной части (почти половина общей протяженности) было уложено на стальных свайных основаниях, каждое из которых представляло сложную инженерную конструкцию, отвечающую жестким требованиям космических технологий. Каждое основание представляло автономную холодильную установку, упреждающую растепление грунта вечной мерзлоты от воздействия высокой температуры прокачиваемой нефти (72 тысячи свайных оснований — столько же фреоновых холодильников) .

У В.А. Динкова и его коллег эти сведения вызывали инженерный восторг. Успокаивало лишь то, что выбор американцев подтвердил правильность принятого решения об укладке мессояхского газопровода на сваях. Понятное дело, оснащение каждой опоры холодильной установкой было роскошью не по нашему карману, и в дальнейшем при сооружении новых трасс удачно сложившийся тандем Василий Александрович Динков — Юрий Петрович Баталин помогал находить оптимально экономичное решение этой проблемы.

Трудно возразить против того, что построенный впервые в мировой практике за Полярным кругом газопровод на сваях не был безукоризненным. Но последующие наблюдения эксплуатационников Норильскгазпрома совместно со специалистами научно-исследовательских и проектных институтов позволили разработать и воплотить при сооружении второй и особенно

третьей нитки ряд новых технических решений, направленных на повышение эксплуатационной надежности надземного газопровода и позволивших практически исключить вибрацию труб.

Инженерное воплощение Мессояхского проекта осуществлялось под руководством В.А. Динкова. Ему же персонально было поручено и решение проблемы создания газового промысла в зоне газогидратов. Инженерные раздумья В.А. Динкова вместе с группой специалистов и ученых привели к изобретению «Способа разработки газогидратной залежи». Авторское свидетельство № 390257 на этот способ В.А. Динков вместе с соавторами оформил лишь через год успешной работы промысла. Комитет по делам изобретений и открытий при СМ СССР выдал авторское свидетельство с приоритетом от 12 августа 1970 года и зарегистрировал в Государственном реестре изобретений 20 апреля 1973 года. При надлежащем отношении в те годы к коммерциализации интеллектуальной собственности и доведении статуса этого документа до патента с соответствующей проработкой вопроса патентоведами, в первую очередь в таких странах, как Канада, США и др., и авторы, и наша страна могли бы получить немалое вознаграждение. Дальнейшее же развитие с каждым новым десятилетием этой, всё более актуальной проблемы обернулось бы ещё большими изобретениями. Но история не терпит сослагательного наклонения. Как и в множестве других случаев, для изобретателей дело кончилось вручением авторского свидетельства и, конечно же, положительными эмоциями. Оформление же патента с учетом требований национальных законодательств потенциально возможных покупателей требовало, страшно было подумать, определенного расхода «свободно конвертируемой валюты», как, ужесточая интонацию на каждом из этих трех, освященных трепетным восприятием государственных служащих словах, напоминали соответствующие специалисты из Союзапатента и Лицензинторга. К тому же, на дворе было начало 1973 года и цены на нефть на мировом рынке едва сдвинулись с отметки в 1,2 доллара за баррель, что означало меньше 9 долларов за тонну. Соответственно невысокими были и цены на природный газ. А то, что к декабрю того же года нефть вздорожала десятикратно и восходящая ценовая кривая остановилась лишь в 1985 году на отметке 28—30 долларов за баррель,

соответственно 204—220 долларов за тонну и, что реализация изобретения способна через несколько лет обернуться дополнительной валютной прибылью, мало кого волновало. «Валюта нужна сегодня», — популярно объясняли робким ходатаям из министерства и об этом напоминали всё более жесткие требования руководства страны. «Больше нефти и газа!», — гласили и яркие плакаты... Вопросы — «почему?» — никто не задавал, точнее, не посмел задать. Все понимали без дополнительных объяснений — мы живем в капиталистическом окружении и понимаем, что стране нужна валюта для укрепления военно-промышленного потенциала страны. Единственными же источниками её поступления в огромную страну с поголовно грамотным населением и, «несть числа» докторов и кандидатов всех наук, были, и увы, остаются всё те же нефть и природный газ. Правда, последнее десятилетие страна не стояла на месте. В переживаемое время поубавилось грамотных. И у нас есть с кем и с чем эту печальную реальность сравнивать. Кстати, и сегодня, тридцать лет спустя не поздно начать коммерческую проработку вопроса возможной реализации указанного «ноу-хау».

Таких, подтвержденных авторскими свидетельствами изобретений у Василия Александровича был добрый десяток (см. стр. 385—389). Их появлению в жизни инженера Динкова предшествовали скромные рационализаторские предложения, подкрепленные удостоверениями шестидесятых годов (см. стр. 378—383). В те далекие годы, полный созидательной энергии и уже набравший производственного опыта молодой начальник Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР неустанно занимался тем, что стало его пожизненным «хобби», усовершенствовал устаревшие инженерные схемы, создавая новые и новейшие. Что касается материальных поощрений этой деятельности, то они были символическими. Но все окружающие были единодушны во мнении, что лично для Василия Александровича главная награда за полезную инициативу это её свершение.

Американский журнал «Ворлд Ойл» в июньском номере 1999 года в редакционной статье Перри Фишера отметит поздне прозрения американских специалистов в оценке крупного и единственного в мировой практике достижения специалистов тогдашнего СССР в освоении мессояхского газового мес-

торождения. Отмечая в конце XX-го века повсеместно возросший интерес к газогидратам, они через много лет выражают искреннюю восторженность осуществленным в 1969 году в советском Заполярье прорывом и сетуют, что такое важное событие, как разработка газового месторождения в зоне газогидратов заполярной тундры, не нашло должной оценки в мире газодобытчиков. Так, через тридцать лет после осуществления инженерного подвига миру вновь напомнили о достижении нашей страны.

Но мы-то знаем, кому министр Кортунов поручил осуществить эту блестяще реализованную, дерзкую, и по сегодняшним меркам, идею. Об этом выразительно напоминают фотографии, запечатлевшие Василия Александровича непосредственно на участке газового промысла и трассе газопровода в те далекие дни и ночи 1968 — 1969 годов.

Американское признание успеха нашей страны пришло лишь через 30 лет со дня опубликования в октябре 1969 года фотографии министра А.К. Кортунова в мирной беседе с начальником Главного управления по добыче газа В.А. Динковым на покоренном промысле в заполярной Мессояхе. Их надежный тандем не дал ни единого сбоя. Когда одолеваемый тяжелым недугом министр на время покидал «поле боя», надежные знания В.А. Динкова доводили замысел Алексея Кирилловича до успешного завершения. В напряженнейшие дни подготовки и прокладки двух дюкеров через Енисей в марте и мае 1969 года Василий Александрович перенес свой «кабинет» на берега Енисея. Его крупная фигура, увенчанная беретом электросварщика, как бы подчеркивала всю важность и серьезность именно этого осуществляемого строителями участка работы. Ведь именно ему принимать объект от строителей. И от того насколько надежен сварной стык зависит и надежность бесперебойного поступления газа потребителю. Следует отметить, что отношения между строителями и эксплуатационниками всегда отличались взаимной уважительностью, однако, это никак не ослабляло взаимной требовательности к качеству работ. И хотя не без нервов спланированная работа не вызвала опасений срыва, беспокойство не убывало до дня сдачи объекта эксплуатационникам.

Приумноженный Мессояхой, уже накопленный в стране опыт обогатился уникальными знаниями по сооружению в ус-

Трудные моменты принятия решений при сооружении газового промысла на месторождении природного газа в Заполярной тундре Мессояхи. Мессояха, 1968 г.

Через 30 лет после этой фотографии, запечатлевшей в октябре 1969 года министра А. К. Кортунова в беседе с начальником Главка по добыче газа В. А. Динковым на промысле в заполярной Мессояхе, в редакционной статье июньского номера американского журнала <<Ворлд Ойл> будет отмечено позднее признание в оценке единственного в мировой практике достижения по освоению заполярного месторождения природного газа в зоне газогидратов

ловиях вечной мерзлоты головных объектов, нарождающейся в стране дальновидными усилиями В.А. Динкова Единой Системы Газоснабжения (ЕСГ) страны. Мессояха предрекала и символизировала первые сотни километров тех многотысячекилометровых трасс почти полутораметрового диаметра, по которым в следующие десятилетия природный газ севера Тюменской области начнет свое победоносное и, как показала жизнь, спасительное для экономики страны движение.

То, что создание Единой Системы Газоснабжения возглавил именно В.А. Динков, отвечало интересам самой идеи.

«Понятно, что подобная привлекательная идея рождается не в одночасье, осеняет не единственную творческую натуру и

не одного масштабно мыслящего специалиста. Но безусловно то, что эта, казавшаяся на поверхности и побуждающая амбициозные претензии на приоритет идея именно В.А. Динковым была глубоко и всесторонне осмыслена и с использованием обширных знаний облечена в стройную и жизнестойкую Систему. Безошибочно ориентируясь в технике и технологии и уже завоевав репутацию надежного руководителя, он решительно возглавил реализацию этого грандиозного проекта, оказавшего и продолжающего оказывать огромное влияние на всю стратегию развития газовой промышленности нашей огромной страны тех лет и стран сегодняшнего Союза независимых государств...». И с этим мнением **Владимира Ивановича Халатина**, одного из коллег В.А. Динкова, бывшего главного инженера Главтрансгаза, нельзя не согласиться.

Отметим, что Единая Система Газоснабжения СССР проектировалась, создавалась и эксплуатировалась как единый технологический объект, не принимая во внимание административно-территориальное деление СССР, в том числе и республиканские границы. В результате были получены значительные преимущества с точки зрения экономичности системы. Общесистемные резервы включали и крупнейшие подземные хранилища газа. Образование в начале 1990-х годов независимых государств и разделение системы на подсистемы привели к формированию таких связей, как «поставщик — потребитель», что несколько не умалило главное достоинство ЕСГ, заложенное ее авторами.

К началу XXI века лишь в Российской Федерации Система объединила 68 газовых месторождений с запасами более 18 трлн м³, более 140 тыс. км магистральных газопроводов, по трассе которых сооружено 245 компрессорных станций с суммарной мощностью установленных на них агрегатов 40 млн кВт. Подобных аналогов промышленный мир не знает.

Но вернемся к воспоминаниям Г.С. Гуляевой. «Приобщение Норильска к газовому топливу, — пишет Г. С. Гуляева, — решило две кардинальные задачи — оно позволило высвободить с тяжелых подземных работ около семи тысяч шахтеров и оздоровить воздушный бассейн города Норильска, где, как везде на Крайнем Севере, наблюдалось кислородное голодание.

)Был построен газопровод Таас — Тумус — Якутск — Бел-стях с теми же результатами, что и в Норильске. Тогда же

была полностью решена проблема газоснабжения г. Ленинграда и области, Белоруссии и всей Прибалтики, где до этого в зимние периоды испытывался серьезный топливный голод. Теперешним руководителям Прибалтики следовало бы помнить об этом, осеняя себя крестом в костеле, не забывать, что во всех существующих религиях неблагодарность считается одним из самых больших пороков.

Во всех этих свершениях отрасли самое непосредственное участие принимал В.А. Динков. Он обладал невероятной работоспособностью, а успешному решению проблемы радовался, как полученной награде. Такими были наши руководители, и старались быть все мы.

В переживаемое непростое время я вспоминаю всех, с кем мне пришлось работать, встречаться на совещаниях, получать одобрения, а иногда и испытывать удары судьбы, и чувствую себя человеком счастливым, потому что и мои скромные усилия пошли на благо Родины, перед которой мы все в неоплатном долгу.»

В 1971 году по инициативе Государственного комитета СССР по науке и технике и по настоянию А.К. Кортунова, в рамках соглашения о советско-канадском научно-техническом сотрудничестве в Канаду прибыла делегация специалистов нефтяной и газовой промышленности. Руководителями делегации были два замминистра: нефтяной промышленности Р.Ш. Мингареев и газовой В.А. Динков. Это был его второй визит в страну.

Целью командировки было более широкое ознакомление с канадскими достижениями в разработке нефтяных и газовых месторождений в полярных условиях, а также с их опытом трубопроводного транспорта нефти и газа в условиях вечной мерзлоты. Надо отметить, что научные отраслевые планы, подготовленные ГКНТ СССР, предусматривали значительное повышение к 1975 году технического уровня и технико-экономических показателей сооружения и эксплуатации магистральных газопроводов и нефтепроводов, а также их широкую автоматизацию. К примеру отмечалось, что в 1965 году протяженность магистральных газопроводов в США превысила 350 тыс. км, а протяженность распределительных сетей составила более 700 тыс. км. Ознакомление с оснащением разработки газовых месторождений в условиях вечной мерзлоты под-

твердило высоконадежный уровень применяемого оборудования и средств автоматики. Вместе с тем стало ясно, что в вопросах технологии освоения газовых месторождений наша страна не только не уступает канадцам (а по сути дела американцам, так как оборудование и технология в основном американские), но в чем то важном и опережает их достижения.

Особенное впечатление на канадцев произвело сообщение В.А. Динкова о разработке Мессояхского месторождения.

Канадцы лишь начинали рассуждения об арктическом трубопроводе «Поляр Гэс» и ещё долго будут топтаться на месте, ограничиваясь лабораторными и полигонными испытаниями, сбором материалов на международных конференциях, внимательно выслушивая доклады советских специалистов, прежде чем приступят к реализации этого проекта. Но к тому времени в нашей стране уже были построены тысячи километров газопроводов диаметром 1420 мм на давление 75 атмосфер, а творческая мысль заместителя министра В.А. Динкова в середине 1970-х годов ставила перед исполнителями задачу выхода на давление в 100 атмосфер и более с использованием труб повышенной прочности.

Интересными воспоминаниями о В.А. Динкове поделился бывший заместитель министра газовой промышленности СССР и до этого назначения начальник Управления внешних сношений Мингазпрома **Степан Романович Дерезов**, проработавший с ним, без малого, 20 лет со времени организации Мингазпрома до февраля 1985 года, когда В.А. Динков был назначен министром нефтяной промышленности СССР. «Отличительной чертой Василия Александровича, как и его руководителей, на смену которым он вступил в руководство отраслью, — подчеркивал С.Р. Дерезов, — была приверженность государственным интересам. Это был истинный государственный и ответственный государственный деятель. Глубоко разбираясь в технических тонкостях профессии инженера по разработке, эксплуатации газовых месторождений и трубопроводному транспорту газа, Василий Александрович был и высоко компетентным специалистом в области экономики газовой промышленности. Эти уникальные знания придавали ему чувство абсолютной уверенности на переговорах с высокопрофессиональными представителями крупнейших зарубежных компаний, таких, как италья-

На снимках руководители делегации: заместитель министра нефтяной промышленности Р.Ш. Мингареев, заместитель министра газовой промышленности В. А. Динков и сопровождающие их специалисты на объектах нефтегазовой промышленности Канадской Аляски и в дружеской атмосфере канадцев. Канада, зима, 80-я широта, 1971 г.

янская ЭНИ, немецкие «Маннесман», «Рургаз» и другие. Он был в высшей степени надежным и очень ценным партнером для руководства Министерства внешней торговли СССР на переговорах по экспорту нашего природного газа в европейские страны, в обсуждениях и заключении соглашений по так называемым обменным операциям с Ираном с сооружением за рубежом силами нашей страны магистральных газопроводов, оснащенных советским оборудованием с использованием советских материалов. Незаменимой была его роль при заключении крупномасштабных сделок на поставку для нужд Газпрома импортного турбокомпрессорного и иного оборудования, средств

автоматики, различных материалов и труб. Он пользовался высоким авторитетом и у А.К. Картунова, и у министра С.А. Оруджева и всегда успешно выполнял их поручения и особенно частые поручения М.Г. Картунова по проведению важных международных переговоров в стране и за рубежом. Его мнение становилось окончательным вердиктом в судьбе того или иного контракта.»

Степан Романович рассказывал о первой в СССР сделке с участием начальника Главгаздобычи В.А. Динкова, который вскоре стал заместителем министра, на поставку в нашу страну иранского газа в соответствии с Советско-Иранским межправительственным соглашением. По подписанному контракту в страну из Ирана на приемный пункт в Астаре в 1971 году стало поступать 10 млрд м³ газа в год и это помогало решать наши внутренние проблемы в Закавказье и за его пределами.

О тесном сотрудничестве с Василием Александровичем в это же время по организации приемки и распределению иранского газа между республиками Закавказья вспоминает и бывший заместитель министра нефтяной промышленности **Шаген Саакович Донгарян**.

«В книге воспоминаний о Василии Александровиче, — пишет Ш.С. Донгарян, — мне хотелось бы рассказать о некоторых эпизодах нашей совместной работы и как можно достойней отразить его незаурядные инженерные, организаторские, управленческие способности, рассказать о Динковском стиле работы, о его требовательности, обязательности, настойчивости и объективности.

Летом 1971 года, находясь на трассе строящегося, как всегда «горячего», нефтепровода Узень — Гурьев, я был вызван в Москву министром нефтяной промышленности В. Д. Шашиным. Срочное дело заключалось в том, что по вине советской стороны возникла угроза выполнению советских обязательств по Советско-Иранскому соглашению о поставках иранского газа в СССР. Выяснилось, что не в пример иранской стороне, где в четком соответствии с графиком трудились советские строители, на нашей территории строительные и монтажные дела шли из рук вон плохо. Обнаружился огромный объем незавершенных работ. По этой причине 10 млрд м³ иранского газа в год, предназначенного для коммунальных нужд Азербай-

джана, Армении, Грузии, Украины, могли не дойти до потребителей в срок. В предвкушении же иранского природного газа в Азербайджане прекратили прием традиционного используемого попутного нефтяного газа, пустив его на факела, лучезарные всполохи которого покрыли весь Апшерон и предприятия Каспморнефти. Министр нефтяной промышленности незамедлительно обратился в Совет Министров СССР с просьбой срочного решения возникшего казуса. Парадоксальность ситуации в том, что расплачиваясь за иранский газ валютой, мы не менее, а в некоторых случаях и более ценный нефтяной газ предпочли сжигать в факелах...»

Срочным решением Совета Министров заместителям министра двух министерств В.А. Динкову и Ш.С. Донгаряну с предоставлением широких полномочий было поручено решить все возникшие проблемы с выездом на места. В четыре полных дня в тесной связке с Василием Александровичем была рассмотрена вся проектная документация советской части общего Советско-Иранского проекта, проведены тщательнейшие консультации газовиков, энергетиков, нефтяников, железнодорожников, моряков, строителей, подготовлены и подписаны планы соответствующих мероприятий.

С утра пятого дня выехали на трассу газопровода, подробно знакомясь с состоянием линейной части, компрессорных станций. Маршрут проходил через Азербайджан, Грузию, по Военно-Грузинской дороге через Осетию и завершился в Грозном. В сложных переговорах с представителями местной власти, инженерами, техниками, учеными Василий Александрович предстал крупным специалистом с огромными инженерными знаниями во всех областях знаний, связанных с разработкой месторождения, транспортом природного газа, его утилизацией. (Много позже, в 1985 году, когда он стал моим непосредственным руководителем — министром нефтяной промышленности, я обнаружил его глубокие профессиональные знания и в нефтяной отрасли.) На месте приходилось принимать сотни технических и технологических решений, руководящих указаний, и он решительно и ответственно подписывал соответствующие поручения и предписания. Менее чем через два месяца, — продолжал Ш.С. Донгарян, — уже использовался и свой попутный газ, и импортный природный газ из Ирана. Так, в невероятно короткий срок было выполнено срочное решение

правительства и обеспечено сбережение миллиардов кубометров попутного нефтяного газа.»

С.Р. Дерезов подробно остановился на втором соглашении, заключенном в 1975 году при активнейшем участии В.А. Динкова, уже заместителя министра газовой промышленности. «Это был серьезнейший экзамен. Экзамен на зрелость нашей газовой отрасли решать проблемы многостороннего торгово-экономического и технического сотрудничества», — подчеркивал Степан Романович. Речь шла об упомянутой обменной операции, предусматривающей получение на приемный пункт в Астаре 20 млрд м³ природного газа в год и поставку в Германию АО «Рургаз» того же объема в сопоставимых единицах калорий, но уже советского газа. В обмен на полученный из Ирана. В выгоде оказывались все три стороны — участники переговоров: Иран получал возможность подписывать контракты на экспорт своего природного газа в Европу; наша страна зарабатывала на «транзитных услугах» (как, если бы иранский газ транспортировался по нашим трубам), поставляя европейскому партнеру Ирана свой газ той же калорийности; выгода «Рургаза» была в диверсификации источников поставок природного газа, создании ценовой конкуренции и обретении надежного торгово-экономического партнера в важной сфере экономики. Техническую экспертизу всей этой гигантской сделки, которая была окрещена «сделкой века» в тесном сотрудничестве с руководством УВС министерства осуществлял Динков. Он блестяще справился с этой беспрецедентной в практике страны задачей, используя все свои преимущества, включая и самые неожиданные. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести воспоминания Владимира Ивановича Халатина, крупного специалиста по транспорту газа, в дни инспекционной поездки в Закавказье, куда во главе с заместителем министра Динковым В.А. прибыла группа специалистов Мингазпрома. Обеспокоенные ходом выполнения обязательств министерства по выполнению Советско-Иранского межправительственного договора газовой промышленности прибыли на строительную площадку компрессорной станции в Кази Магомеде, районном центре Азербайджана. Эту станцию по кооперации со странами СЭВ строили специалисты из Болгарии. «Возникшие споры о сроках поставки упирались в претензии болгарских строителей к оплате их труда, — вспоминал В. И. Халатин. — Нашу делегацию из Мо-

сквы они встретили с заведомо согласованной позицией и готовы были отстаивать ее, не поддаваясь уговорам. Каково же было их изумление, когда с вескими контраргументами к ним обратился заместитель министра газовой промышленности СССР... на чистейшем болгарском языке.»

Надо ли быть провидцем, чтобы понять, что инцидент был исчерпан, а станция выстроена в срок.

В торжественной процедуре начала прокачки первого иранского газа принял участие шахиншах Ирана. Оба контракта с Ираном успешно действовали на протяжении многих лет и сыграли непреходящую роль во взаимовыгодном долговременном торгово-экономическом сотрудничестве. К сожалению, как и в первом случае, в результате политических событий в Иране (форсмажорные обстоятельства) в конце 1970-х годов контракты были в одностороннем порядке расторгнуты иранской стороной.

Задолго до этого были предприняты решительные шаги по выходу советского природного газа на европейский рынок на основе двусторонних соглашений. Здесь техническую экспертизу осуществляли начальник Главгаздобычи — заместитель министра В.А. Динков и начальник УВС С.Р. Дерезов. Предпринятым по поручению министра Картунова зондажем в предварительном порядке была выявлена заинтересованность Италии, Австрии, Германии в импорте советского природного газа и состоялось ознакомление с состоянием коммуникаций в этих странах. Подготовленная докладная записка, доведенная А.К. Картуновым до внимания А.Н. Косыгина, обернулась постановлением правительства на проведение с этими странами под эгидой Минвнешторга коммерческих переговоров. Их успешное завершение положило начало реализации крупных сделок, позволивших в ускоренном темпе в счет потенциальных экспортных поставок газа оснастить месторождения Медвежье, Уренгой, Ямбург импортным оборудованием и с использованием импортных труб по схеме газ — труба задействовать огромный газодобывающий и экспортный потенциал страны. «Нам приходилось выдерживать настойчивые требования руководства Минвнешторга отдать предпочтение коммерческим предложениям конкурентов, оборудование и трубы которых уступали в цене. Но Василий Александрович, имевший полномочия министра, был непре-

клонен» — вспоминает С.Р. Дерезов. «Скупой платит дважды».

«В нередких встречах с внешторговцами В.А. Динков неустанно повторял: «Мы должны иметь оборудование и трубы лучшего качества, повышенной надежности и долговечности, ибо труба диаметром 1420 миллиметров при давлении 75 атмосфер — это огромная бомба, взрыв которой погребет под себя не только всю экономию на разнице в ценах, но и всех «экономистов».

И что бы не говорили наши критики, а магистральные пятидесятишестидюймовые и иже с ними уже перешагнули тридцатилетний возраст и продолжают работать. Исправно работать на реформу, адекватно отвечая за проявленную при их рождении заботу о качестве, надежности и долговечности.»

Степан Романович Дерезов рассказывал и о совместных с В.А. Динковым командировках в европейские страны. Их пребывание в Италии навеяло мне мои личные и услышанные от моих итальянских коллег впечатления от этого визита.

Читателю была бы интересна история знакомства итальянских специалистов с В.А. Динковым, рассказанная в Италии переводчиком русского языка на крупном специализированном предприятии по производству насосно-компрессорного оборудования «Нуово Пиньоне» во Флоренции, господином Терликером, с кем автору приходилось довольно часто встречаться с начала 1970-х годов в дни многолетней работы в Италии по линии Минвнешторга.

Крупнейшее итальянское машиностроительное предприятие, входящее через систему холдингов в Национальный итальянский концерн углеводородов (Энте Национале Идрокарбуни, ЭНИ), было в высшей степени заинтересовано в получении советских заказов на заводскую продукцию, что могло бы обеспечить весьма выгодное участие в широко разрекламированной, многообещающей советской программе сооружения серии поражающих воображение магистральных газопроводов. И хотя уже установившиеся и успешно развивающиеся советско-итальянские торгово-экономические отношения в определенной степени предрекали итальянцам желанный успех, их легко объяснимое волнение до дня подписания контракта не ослабевало. Будучи вполне конкурентоспособным предприятием, завод, его администрация, вместе с тем, предпринимали

Дружеский ужин в дни пребывания делегации специалистов Мингазпрома в Италии. Руководитель делегации, член Коллегии министерства В. А. Дин-ков. Рим. 1970 г.

через руководство ЭНИ неослабевающие усилия по всесторонне (как им казалось) продуманной процедуре обхождения влиятельных советских гостей из обеих столиц: Рима (аппарат Торгпредства и посольства) и Москвы (руководство Минвнешторга, Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Миннефтепрома, ГКНТ).

Общепризнанные ценители красоты, итальянцы, умело и традиционно красиво обставляли важные встречи, деликатно подкрепляя впечатления от несомненных достижений машиностроителей изысками великолепного итальянского изобразительного и оперного искусства в прекрасных картинных галереях, музеях и в оперном театре — миланском «Ла Скала».

Прибывшие в Италию для переговоров с итальянскими компаниями по вопросу об экономическом сотрудничестве в сооружении транснациональных газопроводов на базе открытых в Тюменской области крупнейших в мире газовых месторождений заместитель министра газовой промышленности В. А. Динков и начальник У ВС Мингазпрома С.Р. Дерезов на пути в итальянский государственный концерн углеводородов (ЭНИ). Милан, 1971 г.

Так вот, насколько я его знал, уравновешенный немец Терликер, работавший переводчиком русского языка на итальянском «Нуово Пиньоне», тщательно выбирая выражения, не умаляющие достоинства итальянских хозяев, поминутно по-итальянски вскидывая руки, возведенным взором призывая в свидетели небеса и непрестанно хохоча, рассказал мне подробности ошеломляющей встречи на «Нуово Пиньоне» с «инженере Динков» (с ударением на «и»). Дело в том, что итальянцы, вконец несколько избалованные участвовавшими, в основе своей, протокольными визитами советских должностных лиц — верный признак приближающегося подписания контракта, — попросту не придали особого значения сообщению своего руководства о том, что планирующий в конце 1970 года посетить завод заместитель министра газовой промышленности СССР намерен ознакомиться с инженерным уровнем заводской продукции потенциально возможных партнеров. Итальянское восприятие статуса гостя по многолетнему опыту предполагало не столько сколь-либо серьезное обсуждение, сколько традиционное информирование замминистра о достигнутом уровне производства и параметрах производимого оборудования. Не станет же, отягощенный заботами заместитель министра стремительно развивающейся газовой промышленности огромной страны интересоваться большими подробностями в почти предрешенном вопросе. На том, видимо, порешив, они, источали дружелюбные улыбки, сопровождая ими теплые рукопожатия/°" ^,, , ; "ж_

Но! случилось непредвиденное. При первых же вопросах этого столь непохожего на всех остальных своей дотошностью «инженере Динков» по ту сторону стола обнаружилось легкое-замешательство. Характер вопросов, их аргументация, инженерная эрудиция вопрошавшего не оставляли сомнения, что перед ними один из тех самых, как их называют американцы,;? «эгги» («яйцеголовых») — могучих советских интеллектов, которых по разным, подчас надуманным, предложениям очень неохотно выпускали в заграничные командировки и тем более в капиталистические страны. Встреча с ними для иностранных коллег столь же неожиданна, сколь и ответственна. Но рассуждения рассуждениями, а отвечать на поставленные вопросы все же надо. ...После некоторого замешательства и нескольких спешных рокировок, за итальянской половиной стола появи-

лись совершенно не предполагавшиеся для участия в переговорах главные конструкторы компрессоров и насосов, каждый с группой узких профессионалов поузловых расчетов и конструирования, материаловедов и технологов... То, что происходило затем, мой итальянский знакомый переводчик, не переставая хохотать, назвал одним хорошо известным испанским словом «коррида», в которой «инженере Динков» был блистательным тореадором. Ни до, ни после этого визита на «Нуово Пиньоне» ничего подобного не происходило. Впечатление было настолько сильным, что все последующие годы, когда у Машиноим-порта возникала необходимость в дозакупке оборудования для Мингазпрома и даже Миннефтепрома, то, предлагая свою продукцию, итальянцы начинали со слов, что предлагаемую конструкцию весьма одобрительно оценил «инженере Динков». Так, к многозначительному и чтимому в итальянском обществе понятию «инженере» у работников ЭНИ в 70-х годах XX века прибавилось представление о его превосходной степени — «инженере Динков».

Знать бы им, этим восторженным иностранцам, как непросто было за много лет до этого выехать в служебную командировку за границу по животрепещущим проблемам своей профессии этому удивительному «инженере». В 1962 году, только назначенный начальником Краснодарского управления магистральных газопроводов Главгаза СССР, В.А. Динков, к всеобщему удивлению коллег, был вычеркнут «блюстителем чистоты рядов...» из списка делегации специалистов газовой промышленности, приглашенной Американской Газовой Ассоциацией посетить США. Интерес к командировке не требует пояснений. Американцы удивляли мир своими достижениями в газовой и нефтяной промышленности.

В США газовые компании стали одними из первых социально-ориентированными. Объектом регулирования был также транспорт газа. С 1954 года там были установлены единые относительно низкие цены на границах штатов.

Достаточно напомнить, что в 1962 году в США добывалось столько же природного газа, сколько за все восемнадцать послевоенных лет, начиная с 1945 года было добыто в нашей стране, чтобы понять интерес к американским коллегам.

Россия в это время лишь начинала разворачивать широкое освоение газоперспективных районов. Однако отстоять наме-

рение Главгаза командировать в США одного из талантливых и пытливых молодых специалистов газовой промышленности в совершенно очевидных интересах страны не помогли даже специальные ходатайства самого Алексея Кирилловича Кортунова, к тому времени пятый год руководившего Главгазом СССР. Видите ли, отец В.А. Динкова, доброволец Красной Армии с первых дней войны, вместе с миллионами таких же как и он горемык оказался в плену у немцев. А то, что пленены были целых три армии, и, что это был результат, как показали историки, бесславной операции верховного командования под Харьковым в мае 1942 года, СМЕРШ в расчет не принимал. А он был всесильен. И даже в 1962 году не помогло, что речь шла о командировке в США добровольца Красной Армии с 1942 года, участника Великой Отечественной войны, военная служба которого завершилась лишь в 1947 году.

Отец и сын вернулись в Краснодар почти одновременно в том же 1947 году. О том, что было пережито Александром Георгиевичем в немецком плену, а потом после окончания войны в советских дефильтрационных лагерях до дня освобождения, редко кто из родных мог услышать от него горькую правду.

Что же касается несостоявшейся командировки Динкова в США, то «свято место пусто не бывает», и оно с превеликим удовольствием было занято энергичным представителем тех самых «блюстителей чистоты», чье охотно красующееся самодовольное выражение лица на коллективной фотографии прибывшей в США делегации, на лесенке трапа прилетевшего из Москвы самолета, отпечатанной на 52-й странице прекрасной книги жизнеописания организатора газовой промышленности Алексея Кортунова, это не больше, чем неизбежная визитная карточка страны тех лет.

Думается, из тех же неприглядных страниц нашей истории и побудительный мотив несостоявшегося в 1963 году награждения достойного специалиста медалью лауреата Ленинской премии, при всей неоспоримости его личного вклада именно в «комплексное решение проблемы эксплуатации и развития газовых и газоконденсатных месторождений в Краснодарском крае», как было сформулировано в решении комитета по премиям. Тогда, следуя часто напоминавшим о себе законам жанра, наградили непричастного и хотелось бы верить, что общество оставило этот кошмарный сон в прошлом.

Первая правительственная награда в 1966 году — орден Ленина за достигнутые успехи в выполнении заданий семилетнего плана — застала Василия Александровича, работающим начальником Главгаздобычи, в Москве. Вместе с большой группой награжденных сотрудников Мингазпрома СССР во главе с министром Алексеем Кирилловичем Картуновым он был приглашен в Кремль, где в торжественной обстановке получил достойную награду. Сам факт высокой награды означал, что тягостное «табу», довлевшее со времени трагедии отца в Великой Отечественной войне безвозвратно кануло в вечность.

В год, когда министр А.К. Картунов ставил задачи уже перед В.А. Динковым, заместителем министра, добыча газа в СССР подошла к отметке в 200 млрд м³, и этим достижением можно было гордиться.

Ведь за истекшие десять лет почти из небытия, на глазах у изумленного делового мира, на огромных пространствах девственно нетронутой, неухоженной Сибири рождалась нефтегазовая индустрия, которая ещё заставит о себе говорить весь мир. Но... достигнутый в 1970 году уровень добычи уступал американскому более чем в три раза. Успокаивало лишь то, что разрыв всё же сократился. Однако и В.А. Динков, и его посвященные коллеги понимали, что в мировом газовом марафоне победа будет за нашей страной. Уж слишком обнадеживающими были, до поры до времени, неразглашаемые достижения геологов, успешно обеспечивавшие прирост не поддающихся представлению колоссальных извлекаемых запасов природного газа на севере Тюменской области.

Следует отметить, что 1970 год был ознаменован крупным событием в становлении газовой промышленности. В признании очевидных успехов отрасли в нашей стране в Москве в торжественной обстановке был открыт и проведен Международный газовый конгресс с участием нескольких десятков стран и международных организаций. Он сопровождался представительной выставкой и прошел под знаком преимущества достижений нашей страны. На конгрессе наиболее интересным был признан зачитанный доклад В.А. Динкова об освоении Мессояхского месторождения. Однако не все сообщения Мингазпрома встретили восторг его участников. Не обошлось без развенчания, казавшейся авантюрой, вынашиваемой в стране с конца 60-х годов, идеи сооружения гипертрубопровода диамет-

После вручения правительственных наград в Георгиевском зале Кремля. Начальник Главгаздобычи В.А. Динков, награжденный первым орденом Ленина за активное творческое участие в составлении комплексного технологического проекта опытно-промышленной эксплуатации Вуктыльского газоконденсатного месторождения за успехи в выполнении семилетнего плана с группой награжденных сотрудников Мингазпрома СССР. Москва, Кремль, июль 1966 г.

Экспериментальные трубы диаметром 2,5 м, изготовленные по технологии германской фирмы «Тиссен» (экспонат Международной выставки <<Ин-тергаз->). Москва, 1970 г.

ром 2,5 м. По мысли авторов этот циклопических размеров газопровод предполагалось построить по маршруту Уренгой — Ухта — Торжок протяженностью 2700 км. Расчетная мощность газопровода 100 млрд м³ газа в год при относительно меньших удельных затратах в рублях на тысячу кубометров прокачиваемого газа. Для большей выразительности на территории ВДНХ у павильона «Нефть и газ» был установлен отрезок трубы, прокатанный Волжским трубным заводом на стане, закупленном в Германии. Этот экспонат больше напоминал фрагмент тоннеля. Такое впечатление усиливалось комфортно размещенным в проеме «Мерседесом». Но сама идея задела за живое чувствительную тему оптимизации диаметра трубы потенциальных трансконтинентальных газопроводов и всколыхнула творческий порыв различных школ, работающих над этим проектом, вызвав бурную дискуссию специалистов при активнейшем участии В.А. Динкова. В столкновении идей и мнений ут-

вердился оптимальный диаметр трубы в 56 дюймов (1420 мм) на давление 75 атмосфер, для газопровода мощностью до 30 млрд мУгод. Так что в определенном смысле авторы циклопической идеи ускорили решение актуальной проблемы. Возобладало мнение, решительно поддержанное и Динковым. В октябре 1970 года он был назначен заместителем министра.

В 1972 году Министерство газовой промышленности СССР возглавил Сабит Атаевич Оруджев, бывший первым заместителем министра нефтяной промышленности.

Профессиональный строитель Алексей Кириллович Кортуннов был переведен в руководство Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР. Последние годы он тяжело болел и было горестно видеть, как этот мужественный человек, преодолевая мучительные страдания, не ослаблял волю перед прогрессирующим недугом.

В 1973 году тяжелая болезнь возымела верх, оставив незабываемую память в сердцах всех, кому посчастливилось жить и трудиться с этим удивительным самородком-организатором.

При всей многоопытности пришедшего в Мингазпром Сабита Атаевича, газовое дело требовало специальных знаний, и он увидел в лице Василия Александровича не только надежного заместителя, но и безупречного советника. Их тесное сотрудничество стало важным залогом успеха в деятельности министерства, успеха, с которым связывало далеко идущие планы высшее руководство страны. А 24 декабря 1974 года министр Оруджев, не без приятного чувства, подписал приказ № 54 о присвоении своему заместителю звания почетного работника газовой промышленности. Благо повод оказался более чем подходящий — Василию Александровичу исполнилось 50 лет.

Обострение политической ситуации в мире, вызванное арабо-израильской войной в 1973 году, объявление арабскими странами эмбарго на поставки нефти в США и их близким союзникам по поддержке израильской стороны и вызванное этим эмбарго в том же году почти десятикратное повышение цен на нефть, а следовательно, и на природный газ мобилизовали все усилия советского правительства на повышение добычи нефти и газа. «Во что бы то ни стало». Руководители нефтяной и газовой промышленности потеряли покой и систематические обсуждения проблемы «изыскания новых резервов» с выездом в нефтегазодобывающие регионы Тюменской области

«Цесант» руководителей нефтегазовой индустрии страны на севере Тюменской области. Слева направо: первый заместитель министра газовой промышленности СССР В. А. Динков, заместитель Председателя Совета Министров СССР В.Э. Дымшиц, министр нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцев, министр газовой промышленности СССР С. А. Оруджев. Тюменская область, 1979 г.

стали для них нормой жизни. Сабит Атаевич, как правило, именно в такие командировки приглашал и Василия Александровича.

Деловой мир, безошибочно оценив абсолютную рентабельность капиталовложений в нефтяную и газовую промышленность, резко увеличил объем инвестиций в эти отрасли. Это в значительной степени усиливало в нашей стране аргументы руководителей нефтяной и газовой отраслей промышленности и их сторонников в Госплане СССР в пользу интенсификации финансирования отраслевых программ разработки нефтегазо-

вых ресурсов и создания соответствующей транспортной инфраструктуры. Не понимать этого, владея всей полнотой информации, было бы непозволительно. И тем не менее для достижения этой цели требовалось не только сложение усилий государственных учреждений, но и подключение пробивной способности руководителей министерств. Очевидно этой способностью и убедительностью аргументов руководство Мингазпрома обладало в большей степени. В газовую промышленность широким потоком стали поступать импортное оборудование и трубы. В результате в отрасли ощутимо возрос темп прироста добычи газа: 1972 год — 221 млрд м³, 1973 год — 236 млрд м³, 1974 год - 260 млрд м³, 1975 год - 290 млрд м³, 1976 год - 320 млрд м³, и в 1979 году добыча перешагнула 400 млрд м³ добытого газа.

Этот процесс сопровождался увеличением экспорта газа, поставки которого за рубеж в 1974 году подошли вплотную к 20 млрд м³, составив 7,7 % союзной добычи. При этом свыше 14 млрд м³ газа экспортировалось в ФРГ, Италию, Финляндию, что в условиях непрекращающегося после 1973 года повышения цен мирового рынка на жидкие и газообразные углеводороды приносило новые выгоды. В последующие годы экспорт советского природного газа лишь возрос. Как следствие, в страну увеличилось поступление инвалютной выручки.

И 1970-е годы по праву вошли в историю временем всеохватного штурма открытых углеводородных богатств Западной Сибири.

Мировая практика не знала ни подобных масштабов деятельности, ни подобных технических средств и технологических решений, разработанных отечественным инженерным талантом, которые были мобилизованы для достижения жестко поставленной цели.

7 ноября 1980 года за создание принципиально новых блочно-контейнерных газоперекачивающих агрегатов с авиационным приводом и внедрение их в газовой промышленности СССР В.А. Динкову и группе специалистов решением правительства была присуждена Государственная премия СССР.

Этому, без преувеличения, революционному событию в строительстве КС в стране предшествовал комплекс глубоко продуманных мер по изучению имевшегося зарубежного опыта использования на компрессорных станциях газопроводов

газотурбокомпрессорных модулей на базе отработавших лётный ресурс авиационных двигателей. Кстати, он был весьма ограниченным. Держателями ноу-хау были англо-американцы. Первые сведения об использовании подобных модулей на газопроводах в Алжире и предприятиях «Бритиш Гэс» привлекли внимание Василия Александровича ещё в 1975 году. Возникшая идея создания подобных модулей получила поддержку руководства Госплана СССР, и к делу были подключены создатели отечественных авиадвигателей.

Здесь важно отметить, что уже к началу 1970-х годов и В.А. Динков, и Ю.П. Баталин, и их единомышленники видели целесообразность в заинтересованном привлечении к освоению нефтегазовых ресурсов Западной Сибири достижений соответствующим образом зарекомендовавших себя специализированных компаний развитых капиталистических стран. Предлагалось развить успех советско-французского сотрудничества, и к выработке условий сотрудничества были подключены специалисты ГКНТ СССР, Минвнешторга. К такой возможной перспективе подталкивал и уже наработанный опыт общения с зарубежными компаниями, и складывающаяся в мире заинтересованность стран, импортеров топливно-энергетического сырья в диверсификации источников его снабжения.

Следует отметить, что темп работ и их успех были обусловлены ещё одним важным решением. В 1977 году оно было озвучено в ходе очередной поездки в Западную Сибирь Алексеем Николаевичем Косыгиным, принявшим «волевое решение» о срочном сооружении газопровода по обеспечению природным газом Челябинска. Трудонасыщенный и ВПК-ориентированный Урал с его всевозрастающим энергоемким промышленным производством и нередко несбалансированным энергоснабжением требовал к себе соответствующего внимания. Благо ресурсная обеспеченность Западной Сибири природным газом подтверждалась стремительным темпом все новых открытий. Но, — как об этом пишет в своей книге Ю.П. Баталин, — в условиях уже сверстанной X пятилетки 1976—1980 годов включать в план новую магистраль — значит обрекать «на заклание» трубостроителей.

Строителей больше всего заботил вопрос, как быть с сооружением компрессорных станций? Ведь к середине 1970-х годов высокотехнологичные достижения строителей линейной

части с использованием трудосберегающей технологии комплектно-блочного ввода в эксплуатацию нефтегазовых промыслов, газосборных пунктов никак не подкреплялись практически наработанным темпом сооружения КС в силу технологического несовершенства их проектных решений.

Положение дел спасла дальновидность А.Н. Косыгина, по поручению которого за несколько месяцев до этого, в декабре 1976 года в Лондоне Машиноимпортом был подписан контракт с англо-американским консорциумом «Коберроу» на поставку в страну 42 модулей (по 21 английского и североамериканского производства) для полного оснащения шесть компрессорных станций почти тысячекилометрового (600 миль) участка газопровода на Челябинск. На каждую КС по семь газотурбокомпрессорных модулей единичной мощностью по 18,2 тыс. л. с. Каждый модуль включал в качестве привода отработавший летный ресурс авиационный двигатель «Ролле Ройс Эвон», турбо-нагнетатель и компрессор компании «Купер Бессемер» и контрольно-регулирующую аппаратуру «Уильям Бразерз». Жесточайшие требования к эксплуатации оборудования формулировал в Москве Василий Александрович. Для ознакомления на английских предприятиях консорциума с первой продукцией в Англию вылетел министр С.А. Оруджев, отведя своему заместителю В.А. Динкову задачу организации приемки КС на трассе газопровода. Менее чем через одиннадцать месяцев после подписания контракта, в октябре 1977 года в порт Мурманск из Ливерпуля был отгружен первый модуль. Появившаяся в январе 1978 года в английском журнале «Эчивмент» («Достижение») статья под общей рубрикой «В Россию с ноу-хау» горделиво поясняла «чья» единственная техника способна конкурентно решать задачу престижного оснащения челябинского, или, как его стали называть, «косыгинского» газопровода. В статье генеральный менеджер «Коберроу» американец Джим Кемпбелл подчеркнул буквально следующее: «Я не уверен в инженерной способности и технологических ресурсах русских найти комплексное решение концепции использования отработавших летные часы авиационных двигателей в деле оснащения ими КС...».

Автор был преисполнен уверенности в недостижимом техническом превосходстве, предопределял место заказчика и отношение к нему, акцентируя внимание на благоприятную

коммерческую перспективу консорциума в нашей стране, щедрость заказа (100 млн фунтов стерлингов, по курсу, 190 млн долл.). Нашим техническим специалистам отводилась лишь роль удовлетворенного пользователя импортной продукции. Долговременные поставки «неповторимых» блочных установок газотурбокомпрессорного оборудования для оснащения КС уникальных 56-дюймовых магистральных газопроводов сулили поставщикам огромные преимущества, которых они не намеревались уступать и в будущем.

Тщательно спланированный внешнеторгово-строительный конвейер заработал без сбоев, несмотря на заболоченность, обводненность трассы, наличие таких водных преград, как Иртыш, Обь, и на выдавшуюся суровую зиму 1978—1979 годов.

Руководитель строительства Ю.П. Баталин. Главный приемщик трубопровода и КС В.А. Динков. Благословенная для жизни стройки судьба вновь свела рожденный в свое время А.К. Картуновым тандем. Главной же особенностью опрессовки трубы было то, что осуществлялась она водой... в сорокоградусную декабрьскую стужу — смелая, технически четко просчитанная и впервые в мировой практике успешно осуществленная за год до этого в январе 1977 года методика при испытании газопровода Надым — Пунга — Вуктыл — Ухта — Торжок с использованием КС Перегребная. В обоих случаях этими испытаниями руководил их коллега, замминистра Миннефтегазстроя СССР Владимир Григорьевич Чирсков. Риск этого решения во всей полноте разделял В.А. Динков.

«...В Москве на связи не Оруджев, — пишет в своей книге «Трасса жизни» В.Г. Чирсков, — ...Держим совет с замминистра В.А. Динковым...»

За час до наступления нового 1979 года, в 23 часа 31 декабря 1978 года Вынгапурский газ Надым-Пурского региона Западно-Сибирского бассейна пошел на Челябинск. Несколько позже, по приращенной трубе он был дополнен газом Уренгоя.

Но все это время, параллельно напряженному труду по приемке челябинского газопровода натруженная инженерная мысль Динкова неотступно решала конкретную прорывную задачу создания отечественных газоперекачивающих модулей с использованием авиамооторов, списанных с ИЛ-18, а затем и более мощных, с ИЛ-62.

Был изучен и опыт, наработанный нефтяниками Западной

Сибири, которые в 1965—1966 годах, встретившись с проблемой электроэнергетического • обустройства многочисленных объектов бурно развивающейся нефтяной промышленности, нашли ее оригинальное решение. Тогда, в результате организованного по инициативе **Виктора Ивановича Муравленко** сотрудничества с Запорожским моторостроительным заводом началось производство хорошо зарекомендовавших себя транспортбельных электростанций мощностью 1000, 1200 кВт-ч, а впоследствии 1600, 2500 кВт-ч с использованием работающих на попутном нефтяном газе газовых авиационных турбин в качестве привода электрических генераторов.

Результаты деятельности В.А. Динкова опрокинули уничтожительные зарубежные представления и о технической зрелости, и о технологических возможностях нашей страны. И именно за эту работу В.А. Динкову и его коллегам была присуждена Государственная премия СССР за 1980 год.

Интересны в этом отношении воспоминания генерального директора компании «ЕвроТрансГаз-инжиниринг» **Николая Дмитриевича Федоренко**, в те годы главного конструктора Сумского филиала по газоперекачивающим агрегатам московского СКВ турбохолодильных машин:

«В 1979 году в Москве с участием ГКНТ, 'Минавиапрома, Минхиммаша и Мингазпрома проводилась серия заседаний научно-технических советов по созданию нового поколения отечественных ГПА. Речь шла о применении на них отработавших летный ресурс авиационных двигателей. На этих заседаниях я впервые познакомился с первым заместителем министра газовой промышленности В.А. Динковым. Важность проблемы диктовалась необходимостью обеспечить импортозамещение дорогостоящей зарубежной продукции. К тому же в предвыборной президентской компании 1980 года в США Р. Рейган настойчиво призывал к запрету на продажу в СССР промышленного оборудования для нужд газовой промышленности, мотивируя призыв озабоченностью использования валютной выручки от экспорта советского природного газа в агрессивных военных целях.

Это создавало потенциальную угрозу намечавшимся планам значительного увеличения экспорта советского газа в страны Западной Европы с неизбежным использованием американской технологии на экспортных газопроводах.

Наши заседания проходили в серьезных спорах представителей различных школ компрессоростроения. У невских и уральских машиностроителей возникли реальные опасения в работоспособности авиационных двигателей в суровых условиях Крайнего Севера. В этих серьезных инженерных дискуссиях принимали участие такие высокоавторитетные специалисты, как один из авторов двигателя к МИГ-21 **Александр Александрович Микулин**, начальник Куйбышевского ОКБ академик **Николай Дмитриевич Кузнецов**. И надо было видеть, с каким глубоким пониманием сути обсуждаемых проблем вел эти дискуссии Василий Александрович — главный заказчик. Без преувеличения этот важный революционный этап в перевооружении компрессорных станций установками ГПА-С16 в первую очередь связан с именем В.А. Динкова. Он доходил до каждой мелочи, с неизменно глубоким вниманием выслушивал каждое мнение и, используя незаурядную техническую эрудицию и интуицию, вынес окончательное мнение — «Новым установкам — быть!» В конечном итоге мнение В.А. Динкова стало определяющим в судьбе новшества, и первые восемь компрессорных станций газопровода Помары — Ужгород были оснащены именно этими агрегатами.

Оценивая роль В.А. Динкова в газовой промышленности, — продолжал Н.Д. Федоренко, — необходимо учитывать тот факт, что к его приходу в отрасль в середине 1950-х годов газовая промышленность страны располагала фактически лишь опытом сооружения газопроводов Саратов — Москва, Ставрополь — Москва, Средняя Азия — Центр, которые сооружались на базе традиционной техники и технологии. И то, что последующие десятилетия стали эпохой коренного технического перевооружения и по сути дела временем отраслевой научно-технической революции, в этом несомненная и главная заслуга В.А. Динкова в газовой промышленности.

Он был одинаково терпелив и почтителен к мнению специалистов, будь то руководитель отдела, лаборатории, проекта. «Не прерывай, — спокойно останавливал он тот или иной эмоциональный всплеск того или иного крупного руководителя из смежных отраслей промышленности, как это однажды запомнилось в случае с министром Величко, — пусть человек выскажет мнение...»

Его неизменно отличала и еще одна важная особенность

руководителя. Он всегда с готовностью брал на себя всю ответственность за реализуемое решение. Ветераны отрасли видели в этом яркое проявление особенности школы Картунова, благодарной памяти которого Василий Александрович остался верен до конца.»

Начало нового десятилетия 1980-х годов в нашей стране заявило о себе энергичными устремлениями руководства на интенсивное развитие экспорта природного газа, темп добычи которого стремительно возрастал. В 1977 году на проектную мощность добычи в 65 млрд м³ в год вышло месторождение Медвежье, в 1978 году — крупнейшее месторождение в мире Уренгой, в 1979 году — Вынгапур. Добыча лишь с этих трех месторождений превышала треть союзной добычи, и газовики оценивали перспективу с обоснованным оптимизмом.

В 1980 году, в преддверии XI пятилетки 1981—1985 годов в ФРГ, Италию, Францию для выяснения рыночных перспектив советского природного газа была направлена правительственная делегация с широкими внешнеторговыми полномочиями. Мингазпром в делегации представлял первый заместитель министра В.А. Динков. В прилагаемых воспоминаниях Ю.П. Баталина читатель может ознакомиться с интересными подробностями непростых переговоров с потенциальными импортерами нашего газа, на которых во всей профессиональной привлекательности проявились и глубокие дипломатические способности В.А. Динкова. Заключенные двусторонние соглашения и условия долговременного торгово-экономического сотрудничества сулили взаимную выгоду и стабильную внешнеторговую перспективу. Рекомендации делегации вошли в соответствующие разделы XI пятилетки.

Однако внезапно, в декабре 1981 года над всеми этими планами нависла серьезная угроза. Приступивший к исполнению обязанностей в 1981 году президент Р. Рейган, не в пример своему предшественнику Д. Картеру, объявил о введении санкций на поставку в СССР оборудования для нефтяной и газовой промышленности. Как объясняли американцы, поводом для этого послужили объявленное 13 декабря главой Польши В. Ярузельским введение в стране высшей меры наказания в виде смертной казни и запрет на деятельность профсоюзного движения «Солидарность». Нашу страну обвиняли в предполагаемом соучастии в принятии этих решений. Последующие же-

сткие заявления американской администрации после ввода в Афганистан в 1979—1980 гг. «ограниченного контингента советских войск», лишь подтверждали серьезность их намерений блокировать поставки в СССР высоких технологий.

Думаю, читателю небезинтересно познакомиться с квалифицированным американским комментарием этого факта в анализе деятельности ТЭКа бывшего СССР, подготовленного и изданного в 1994 году на основании материалов библиотеки Конгресса США одним из видных сотрудников Отдела исследования научной политики Конгресса США господином Джозефом П. Рива. Дело в том, что, оценивая политику СССР в Афганистане и Польше агрессией, новый президент США Р. Рейган с 1981 года стал предпринимать решительные меры по подрыву советской экономики и особенно тех её отраслей, которые прямо либо косвенно содействовали её милитаризации. Особое внимание обращалось на отрасли, чья продукция обеспечивала поступление в страну твердой валюты, использовавшейся, по убеждению американской стороны, для закупки военных технологий. Выбор пал и на газовую промышленность нашей страны, занявшую в 1982 году лидирующее положение в мире и обеспечивающую по американским расчетам получение выручки до 10 млрд долларов в год. (По их же расчетам выручку в первый миллиард долларов от экспорта природного газа СССР получил в 1976 году; 1,99 млрд — в 1978 году;

2,82 млрд — в 1979 году и 4,98 млрд долл. — в 1980 году, что составило 7,4 % общего экспорта страны.) Объявленное американцами эмбарго касалось и поставок в СССР их газовых турбин, компрессоров и широко использовавшихся европейцами компонентов к этой технике (особенно высокооборотных роторов).

«Однако в СССР, — пишет Д.П. Рива, — санкции повлекли интенсификацию работ по развитию своего компрессоростроения. Здесь были предприняты невероятно эффективные усилия, в короткий срок завершившиеся организацией производства своих компрессорных блоков с приводом от отработавших лётный ресурс авиационных двигателей...»

Американские санкции в этом вопросе оказались холостым выстрелом по объяснимым причинам, и одной из важных мер, выхолостивших их усилия, была указанная выше работа, за которую В.А. Динков с группой специалистов получил Государст-

венную премию. Справедливость требует отметить, что санкции США не были поддержаны западноевропейскими странами, что также сыграло свою важную роль. Подробнее об этом несколько позже. Отметим лишь, что в 1984 году в высшей степени заинтересованная в поставках советского природного газа Европа торжественно отмечала десятилетие взаимовыгодных торгово-экономических отношений в этом вопросе, и главным, желанным гостем на этих торжествах был глава советской делегации, министр газовой промышленности СССР В.А. Динков (см. воспоминания В.А. Халатина).

«Несмотря на американские санкции, — продолжал упомянутый господин Д.П. Рива, — 56-дюймовый газопровод протяженностью 3600 миль (5760 км) из Западной Сибири в Европу вступил в строй, и к условленному сроку, 1 января 1984 года, во Францию стал поступать сибирский газ. Правда объемы поставок значительно уступали обязательствам, так как из предусмотренных проектом 41 КС для более или менее успешной прокачки необходимых объемов нужно было иметь 17 функционирующих КС. Однако пуск экспортного газопровода был осуществлен семью-восемью компрессорными станциями, и это был неоспоримый успех СССР, который к указанному сроку просто не имел возможности изготовить большее число компрессоров.»

Это был наш ответ американцам, и министр газовой промышленности СССР В.А. Динков мог по праву гордиться личной инженерной инициативой в этом важном деле.

Последовавший импорт продукции европейских стран, ослушавшихся американского диктата, лишь закрепил успех отечественных машиностроителей. У этой истории было продолжение с интересными подробностями и пояснениями в европейских источниках.

В мае 1985 года в Бонне на ежегодный саммит собрались лидеры «Семерки». Экономика их стран уже третий год переживала легко объяснимую вибрацию подъема. В отличие от традиционной поглощенности всех предшествующих саммитов болезненными энергетическими проблемами, единственно серьезной энергетической темой повестки дня была, разделившая их интересы, американская оценка неприемлемости намерений европейских стран значительно увеличить закупки советского газа. Европейцы связывали с этими планами заинте-

ресованность в диверсификации видов энергоносителей и их географии, в необходимости ослабления традиционной зависимости от ближневосточных поставок нефти. Их планы включали также стимулирование машиностроительной и сталелитейной промышленности с использованием советского природного газа. Это сулило дополнительные рабочие места и решение многих аспектов неослабевающих социальных проблем. Однако этим планам европейцев решительно воспротивилась администрация президента Рейгана. Американцы, заняв жесткую позицию в декабре 1981 года, мотивировали её тем, что расширение импорта советского газа дает СССР рычаги поступления твердой валюты, которые укрепят советскую экономику и, в чем администрация вступившего уже в 1985 г. на второй срок правления президента Рейгана ни на йоту не сомневалась, делает «советский милитаризм» еще более опасным. С возрастанием накала страстей США заявили о запрете экспорта американского оборудования для реализации указанного проекта. Следующим шагом было требование запрета на экспорт в СССР европейского оборудования, включающего американскую технологию.

И здесь произошло совершенно непредвиденное ослушание американского требования. Американской трактовке советской угрозы было противопоставлено западноевропейское толкование полезности импорта советского газа, обеспечивающего экономическую стабильность и гарантированные рабочие места на значительном числе европейских предприятий. Апофеозом неожиданной решимости европейцев следовать своему выбору стали непосредственные действия премьер-министра Великобритании Маргарет Тетчер. По свидетельству английского исследователя истории мировой нефтяной промышленности Джеймса Бамберга в книге «Компания Бритиш Петролеум и глобальная нефть, 1950—1975», проанализировав неизбежность тяжких последствий для английской компании «Джон Браун Энджиниринг» — крупнейшего поставщика компрессорного оборудования для сооружения трансконтинентальной евразийской газопроводной системы по поставкам советского природного газа из Сибири в Европу, английский премьер по прямому проводу связалась с президентом Рональдом Рейганом, оставив истории короткую и многозначительную фразу: «Рон, «Джон Браун» на грани краха...». Следующей де-

монстрацией решимости был ее приезд в Шотландию на головное предприятие компании, где она, сопровождаемая журналистами, наперекор американскому запрету засвидетельствовала личное участие в отправке в СССР первой партии экспортных газоперекачивающих агрегатов этой всемирно известной английской компании.

Советский газ вносил изменение в сложившийся топливный баланс европейских стран. Страна превращалась в одного из крупнейших экспортеров этого важного продукта, содействуя формированию в 70 — 80-е годы XX века крупного европейского газового рынка. Роль советского газа, а по тревожным оценкам администрации президента США и зависимость европейских стран от СССР, стали существенно возрастать. Объявленные же оценки его извлекаемых запасов вселяли все более обоснованный оптимизм и экспортерам, и импортерам природного газа.

После нескольких взаимных обвинений с американцами был достигнут компромисс: европейцы ограничат импорт советского газа до 30 % потребности. Большая часть потребности, как следовало из договоренности, должна была быть компенсирована природным газом, к тому времени открытого на шельфе Северного моря крупнейшего норвежского месторождения Тролл, куда для его разработки с учетом начала добычи газа в середине 1990-х годов и была переориентирована часть европейских инвестиций. И хотя значительная часть долларов пошла на укрепление экономики своего кровного члена НАТО, советский природный газ превращался в важный инструмент международной внешней политики. На глазах современников происходила переоценка ценностей, и в этом многосложном процессе всё более значительными становились плоды труда газовиков и строителей, среди которых незаменимое место в истории принадлежит Василию Александровичу Динкову.

«Нелишне напомнить, — продолжил свои воспоминания Н.Д. Федоренко, — что, буквально, по горячим следам наши ГПА привлекли внимание аргентинцев, пожелавших оснастить свои трубопроводы советскими агрегатами новой конструкции. Ознакомившись на нашем газопроводе с успешной эксплуатацией этих агрегатов, они подписали контракт на оснащение ими двух компрессорных станций по три агрегата на каждой, мощностью 6,3 МВт. Это была исключительно выгодная сделка

и, подписывая контракт от советской стороны, я, — отмечает Н.Д. Федоренко, — выполнял это поручение со спокойной совестью. Однако на последующих этапах проработки вопроса возникли возражения от авиационной промышленности. Но к тому времени, уже будучи министром, Динков решительно поддержал в правительстве предложение Лукьяненко и Шкабардня об экспорте в Аргентину этой важной отечественной продукции, подтвердив ее надежные эксплуатационные качества. В конечном итоге поддержка Василия Александровича сыграла важную роль в судьбе контракта. Сооруженные «под ключ» эти две компрессорные станции работают в Аргентине успешно и до сегодняшнего дня, а на отечественных газопроводах более трети объема газа перекачивается этими агрегатами. Такова цена выигрыша от решений инициированных и решительно поддержанных Василием Александровичем Динковым», — закончил воспоминания Н.Д. Федоренко.

Но, пожалуй, самым смелым решением было использование магистральных газопроводных труб сверхбольшого диаметра (1420 мм) и их укладка в условиях вечной мерзлоты, осуществленная в теснейшем сотрудничестве с украинскими специалистами Института электросварки им. Е.О. Патона (см. воспоминания академика Б.Е. Патона). Заказы на изготовление труб и соответствующих запорных устройств вызывали трепетно-почтительное отношение у издавших виды мировых производителей подобной продукции.

В отличие от многих бывших коллег Василия Александровича, с которыми я искал и находил встречи (М.Г.), пополняя будущую книгу все новыми страницами, **Генадий Иосифович Шмаль**, 'узнав о предпринимаемой инициативе, сам искал встречу с автором. Сказывалась воспитанная на всю жизнь сопричастность сибирского комсомольского вожака 1960-х годов, а впоследствии заместителя министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР к делу памяти о выдающемся руководителе в пору становления общего дела развития отечественной газовой индустрии. Встреча не заставила себя ждать. Мы живо беседуем в его рабочем кабинете. В четкой памяти оживают события более тридцатилетней давности, подробности встреч с только назначенным министром газовой промышленности Алексеем Кирилловичем Кортуновым, который с готовностью откликнулся на предложение и

выступил перед тюменской молодежью с докладом о перспективах развития области, а в 1969 году подписал беспрецедентный приказ об организации полностью молодежного производственного треста и многие другие подробности исторической эпопеи покорения газовых богатств Сибири.

«Не умаляя значения профессионального строителя А.К. Картунова в развитии газовой промышленности страны, — подчеркнул мой собеседник, — трудно переоценить личный вклад профессионального газовика Василия Александровича в это грандиозное свершение. И конечно же, — продолжал он, — было бы в высшей степени справедливым подчеркнуть и руководящую роль таких высокопрофессиональных специалистов, как Михаил Васильевич Сидоренко и Грант Джаванширович Мар гулов. Мы вступали в пору родившегося в Тюменской области крупноблочного строительства высокопроизводительных объектов газовой промышленности и здесь во всей инженерной исключительности был продемонстрирован удивительный талант В.А. Динкова. Нам приходилось ломать сложившиеся стереотипы.

Крупные производственно-технологические блоки заводского изготовления в Тюмени весом в 300—400 т приводили пессимистов в состояние депрессии. Они выдвигали десятки контраргументов, начиная с неосуществимости транспортировки подобных суперблоков по -железной дороге вследствие недопустимого несоответствия веса блока и грузоподъемности железнодорожной платформы и кончая слабостью колеи и т.п. Но идея суперблоков получила решительную и безоговорочную поддержку В.А. Динкова, служебное положение, а следовательно, и распорядительная власть которого росли вместе с повсеместным признанием его глубоких инженерных знаний и авторитета. Успех этого грандиозного дела был обеспечен решительной позицией в этом вопросе Юрия Петровича Баталина. Опытный руководитель нефтегазового строительства, он работал в тесном сотрудничестве с Василием Александровичем, и их многократно отмечавшееся министром полезное сотрудничество было в высшей степени эффективным и в этом вопросе. Так, применение блоков уже на Ямбургском месторождении позволило ускорить сроки строительства и в сокращенные сроки обеспечить ввод в эксплуатацию вдвое больших производственных мощностей. Что же касается их транспортиров-

На одной из компрессорных станций газопровода. 1981 г.

ки, — продолжал Г. И. Шмаль, — то блоки были доставлены на место в сезон «высокой воды» по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и, наконец, Обской Губе на мощных понтонах...»

Генадий Иосифович вспоминал, как некоторые из бывших руководителей сооружения Оренбургского газохимического комплекса настойчиво склоняли к увеличению численности строителей по обустройству месторождений валанжитских залежей, мол Оренбурггазпром создавался трудом не менее

20 тыс. строителей... Обошлись же трудом 4 тыс. «Это был решительно поддержанный В.А. Динковым эффект применения крупноблочных установок комплексной подготовки газа (УКПГ). Если на Медвежьем единичная мощность УКПГ равнялась 8—10, на Уренгойском месторождении 15—20, то на Ям-бургском месторождении она поднялась до 26 млрд м³ газа в год. Подобное сооружение представляло огромное предприятие... Когда в июне 1976 года участникам научной конференции в Тюмени по проблемам развития нефтяной промышленности, академикам Патону, Некрасову, Мельникову, Трофимуку было предложено посетить месторождение Медвежье, то их взору предстала полуфантастическая ошеломляющая картина покрытой снегом заполярной тундры с вознесенными, словно Феникс из пепла, могучими установками комплексной подготовки природного газа.

Принципиальным выводом, к которому мы все пришли после первого успеха на Медвежьем, было обращение к продукции и отечественного машиностроения. При всех явных преимуществах использовавшейся поначалу французской техники, она требовала строгого соблюдения заданной шкалы температурных параметров. Но неукротимая природа, — вспоминал Г.И. Шмаль, — обнаруживала неожиданные причуды и импортное оборудование не выдерживало. И здесь проявился инженерный и организаторский талант Василия Александровича. Безошибочно оценив ситуацию, он использовал все свое влияние в подключении к решению проблемы Минхиммаша. И уже следующее, Уренгойское месторождение осваивалось с использованием отечественных блоков. Оперативному решению технических проблем, возникавших в ходе строительства объектов, помогали регулярные, не реже раза в квартал, совместные заседания Научно-технического совета, созываемые при активной поддержке и деятельном участии Динкова. Высокая инженерная компетенция Василия Александровича помогала не только ставить проблему перед Минхиммашем, но и находить её оптимальное конструктивное решение. Стоит ли при этом удивляться тому темпу и тому качественному отличию, которые были проявлены уже при освоении Ямбурга — крупнейшего месторождения природного газа и одновременно среды обитания специалистов различных профессий. И здесь при решении принципиально важного вопроса — каким быть Ямбур-

гу будущего, Василий Александрович на судьбоносном заседании в самой высокой полномочной инстанции, в ЦК своим вердиктом и вопреки предложению, казалось всемогущего Тюменского обкома КПСС, поддержал строителей — быть Ямбургу вахтовым поселком, но не городом.

Отдельная тема, — продолжал Г.И. Шмаль, — сооружение магистральных газопроводов, темпы которого поражали самое богатое воображение. В восемнадцать месяцев строители и эксплуатационники выполняли четырех-пятилетние нормативные задания, которые перекрывались ещё более высокими достижениями. Это был четко работающий трубопроводный конвейер: сооружение — сдача — приемка — пуск в эксплуатацию. С 1972 года его успех отражал исключительную слаженность во взаимодействии всех подразделений двух министерств Миннефтегазстроя и Мингазпрома, чей слаженный трудовой ритм увлекал и многочисленных смежников. И личная роль Василия Александровича Динкова во всех свершениях многолетней героической эпопеи освоения газовых, а с 1985 года, с его переводом в Миннефтепром, и нефтяных богатств Западной Сибири имеет непреходящее значение», — завершил нашу беседу Геннадий Иосифович.

В сжатые сроки из тюменского Заполярья в Центр и к западной границе были проложены могучие артерии 56-дюймовых магистральных газопроводов-колоссов. Иначе, как трубопроводной эпопеей не назвать слаженные усилия добытчиков газа и строителей трубопроводов. В 1970-е годы их протяженность ежегодно увеличивалась на тысячи и десятки тысяч километров. Общими усилиями Мингазпрома и Миннефтегазстроя в те годы была сооружена инфраструктура магистральных газопроводов сверхбольшого диаметра протяженностью свыше 57 тыс. км. С учетом же труб несколько меньшего диаметра (1020 и 1220 мм) общая протяженность газопроводов составила около 125 тыс. км. Их своевременная приемка и пуск в слаженном ритме огромной стройки на многотысячекилометровом пространстве страны не допускали ни послабления в качестве, ни срывов в жестко поставленных сроках. Здесь трудились тысячи специалистов множества профессий, руководимых молодыми командирами беспрецедентной армии строителей магистральных трубопроводов. Сегодня, через десятилетия, удивляя технических специалистов своей жизнестойкостью, эти жиз-

Министр газовой промышленности С.А. Оруджев по поручению правительства вручает заместителю министра В. А. Динкову правительственную награду. Москва, март 1976 г.

ненно важные для судеб Отечества артерии обеспечивают бесперебойную подачу постоянно востребываемых энергоносителей по назначению, существенно содействуя успеху реформ и поддерживая темп их развития.

Всех достойнейших имен этой, без преувеличения, великой стройки не перечесать, и главную ответственность в Мингазпроме нёс Главный приемщик — Василий Александрович Динков.

Правительство высоко оценило личный вклад заместителя министра газовой промышленности В.А. Динкова, и в 1976 году он был указом Президиума Верховного Совета СССР

награжден орденом Октябрьской Революции. Эту приятную для себя обязанность исполнил министр Оруджев.

Но самому суровому испытанию сооруженные газопроводы подверглись в зиму 1978—1979 годов. Столбик термометра в центральных областях европейской части страны приблизился к рекордно низкой отметке. В Подмосковье температура упала ниже -40°C . Любой сбой с подачей газа грозил тяжелейшими последствиями. Телефон правительственной линии к заместителю министра В.А. Динкову и от него буквально закипал от напоминаний об этом.

В эти дни Мингазпром работал в чрезвычайном режиме. Положение с газообеспечением страны осложнялось ещё и тем, что смена политической власти в Иране в конце 1978 года и начале 1979 года привела к резкому сокращению, а затем и отключению иранского газопровода, что лишило Закавказье поступления импортного газа. Из потребления исключались 10 млрд м^3 газа в год.

(Одними из экстренных мер по компенсации внезапного дефицита газоснабжения закавказских республик, вызванного сокращением и прекращением поставок иранского газа, стали срочное сооружение и приемка 48-дюймового 675-км газопровода по поставкам к приемному пункту в г. Кази Магомед (Азербайджан) до 15 млрд м^3 газа с месторождений Малгобека близ Моздока, восточной части Ставропольского края и Каспийского побережья Дагестана.)

Едва закончившийся рабочий день В.А. Динкова в Москве вновь начинался с восходом солнца за тысячи километров к востоку от столицы на самых дальних газодобывающих предприятиях, откуда начинались ручейки газового потока на запад. Свет в служебных кабинетах министерства на улице Строителей не выключался. Весь многотысячный коллектив газовиков в Центре и на местах работал в едином напряженном ритме. Селекторная связь с сибирскими газодобытчиками не выключалась ни на минуту.

Так, что суровейшему испытанию подвергались не только газопроводы, компрессорные станции. Для потерявшего покой заместителя министра В.А. Динкова, чья заглавная подпись на актах приемки всего газопроводного хозяйства гарантировала его надежность и работоспособность, бесперебойная работа всей системы стала ещё одним подтверждением его личной вы-

сокой инженерной репутации. Газеты тех дней сообщали, что Мингазпром оказался единственным в стране министерством, вся огромная производственная инфраструктура которого в ту лютую зиму не дала ни единого сбоя. Предприятия и население страны были обеспечены бесперебойным снабжением газа.

Лишь за некоторое время до этого увенчались успехом совместные усилия Мингазпрома, Миннефтегазстроя и металлургов по повышению хладостойкости труб. Успех оказался возможным благодаря оперативным мерам, реализованным при непосредственной поддержке А.Н. Косыгина. В памяти у ветеранов Мингазпрома, и об этом вспоминал В.А. Динков, было незабываемое заседание правительства, на котором обсуждались меры по ликвидации тяжелой аварии. В лютый, почти космический холод, когда столбик термометра показывал — 60 °С на одном из северных магистральных газопроводов на значительном протяжении разорвало трубу. Лавинное разрушение. Ставший невероятно хрупким металл, включая и металл ремонтной техники, рассыпался в прах. Было ясно, что без радикальных мер в металлургии в будущем не избежать реальной угрозы газоснабжению Центра. Председательствующий А.Н. Косыгин решительно поддержал экстренные меры с использованием достижений передовой отечественной науки, уже подтвердившей работоспособность техники в условиях космоса. Созданная в Госкомитете СССР по науке и технике специальная комиссия во главе с академиком М.А. Лаврентьевым приняла ряд неотложных мер, реализация которых позволила восполнить обнаружившийся пробел. Трубопрокатные заводы и ремонтная техника получили хладостойкий металл. Зимой 1978—1979 годов совокупность заблаговременно принятых мер сыграла свою положительную роль.

Об этом в наши дни не грех кое-кому напомнить в Центре и на местах, ибо было бы чрезмерным упрощением вопроса приписывать холодные батареи в постыдно неотапливаемых помещениях российских школ, детских приютов и домов престарелых (не говоря о квартирах россиян) в наши современные зимы непредсказуемости циклонов с их «снегом на голову...».

Надо отметить, что в эти годы в Москву в Мингазпром участились визиты иностранных делегаций, не скрывающих своей

заинтересованности в расширении научно-технических и торгово-экономических связей с динамично развивающейся отраслью. Свою настойчивость стали проявлять специалисты Французского института нефти (ФИН), общепризнанного центра французских научных и прикладных исследований в мировой нефтяной и газовой промышленности. Следует отметить, что Франция оказалась первой капиталистической страной, с которой в 1966 году было подписано межправительственное соглашение о развитии научно-технических связей и первой капитаной, с которой ГКНТ СССР в 1967 году подписал соглашение о научно-техническом сотрудничестве в нефтяной и газовой промышленности. Французскую сторону в этом сотрудничестве представлял Французский институт нефти.

Сопредседателем созданной советско-французской рабочей группы в свое время был назначен А.К. Картунов. Прибывшую в Мингазпром делегацию ФИН принял заместитель министра В.А. Динков, и состоявшийся обмен мнениями вдохнул новую жизнь в деятельность рабочей группы.

Достоинo выдержавший все испытания заместитель министра В.А. Динков постановлением правительства от 15 февраля 1979 года был возведен в ранг первого заместителя министра.

Следующий 1980 год, последний год X-й пятилетки, как мы указывали ранее, был ознаменован важным событием во внешнеэкономической стратегии ТЭКа. Внемля записке министров Б.Е. Щербины и С.А. Оруджева, поддержанной Госпланом СССР, высшее руководство страны одобрило предложение о сооружении нового, значительно более мощного газопровода для поставок сибирского газа в Западную Европу. Этому благоприятствовали и баснословные богатства недр Тюменской области, и складывающаяся в Европе «энергетическая» ситуация. Для проведения предварительных переговоров с этой целью в ФРГ, Италию и Францию была командирована делегация ответственных руководителей Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Минвнешторга, наделенная внешнеторговыми полномочиями. От газовиков в делегацию вошел первый заместитель министра В.А. Динков. Это была его первая после почти десятилетнего перерыва командировка за рубеж: В отличие от А.К. Картунова, Сабит Атаевич не жаловал своего заместителя подобными поручениями, предпочитая выполнять их лично, оставляя и фактически держа его «на хозяйстве». Но обстоятельства ока-

Переговоры заместителя министра газовой промышленности В. А. Динкова с представителями Французского института нефти. Москва, 1974 г.

зались сильнее воли министра. В этой очень ответственной командировке, как в зеркале проявились преимущества В.А. Динкова, приоритет которого был признан обеими сторонами, буквально с первых минут переговоров и в Германии, и во Франции. Об Италии говорить не приходится. У итальянских специалистов признанная репутация «инженере Динков» с каждым годом лишь укреплялась.

Читателю было бы полезно познакомиться с интересными оценками подготовительного этапа деятельности по сооружению экспортного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, всего переговорного процесса и, собственно, сооружения и пуска газопровода в эксплуатацию, изложенными в книге, точнее в документальном романе-хронике «Ю П», принадлежащем перу столь яркой и выдающейся личности в истории нефтега-

зостроения, как **Юрий Петрович Баталии** (см. также воспоминания Ю.П. Баталина).

Вместе с тем достоин быть повторенным вновь один из приведенных в указанной книге примеров мучительной для властных структур переоценки принятого решения и, наконец, его изменения. Речь шла о выборе трассы газопровода Уренгой — Государственная граница. Южный или Северный вариант... По всем понятиям любого времени, не говоря о сложившемся в ту пору истеблишменте, поступок автора пересмотра казалось предрешенного Госпланом, Миннефтегазпромом, Мингазпромом вопроса был сродни отчаянной авантюре. Но, с другой стороны, каким внутренним убеждением надо обладать, чтобы настойчиво добиваться реализации своего предложения. А ведь это было время, пусть и изрядно одряхлевшей, но по-прежнему всесильной и решительной на короткие расправы партийной номенклатуры, с функционерами которой подобные капиталоемкие проекты, пусть и в предварительном порядке, не могли не быть согласованы и министерствами и Госпланом. Но, предоставим слово автору:

«Я, — пишет Ю.П. Баталии, — мотался по тюменским трассам, когда узнал о том, что Борис Евдокимович Щербина «подмахнул» на очередном заседании в Госплане решение о выборе... северной трассы. Три часа я убеждал своего старого соратника, первого заместителя министра газовой промышленности Василия Александровича Динкова в ошибочности принятого решения. Динков — человек принципиальный, знающий и твердый в убеждениях, но вместе с тем его отличали неплохое знание специфики трубопроводного строительства, здравый смысл и способность к восприятию доводов оппонентов...

«Пожалуй, я готов признать твою правоту, — после продолжительного обсуждения всех «за» и «против» ответил В.А. Динков, — но я только-только подписал документ о проведении работ по северному коридору и мне как-то неудобно идти на попятную... Сейчас неудобно, а потом, когда сорвем строительство газопровода, будет стыдно...»

Здесь сложились и убедительность аргумента и безупречность проводника иного решения государственно важного задания. Воистину, кто чувствует в себе силу сделать лучше, тот не испытывает страха перед осознанием ошибки. В конце кон-

цов ошибаются все, но на собственное признание допущенных ошибок способен ум выдающийся и натура решительная.

И неудивительно, что, став мнением уже двух столь высокоавторитетных специалистов-руководителей, оно получило поддержку С.А. Оруджева, а затем и Б.Е. Щербины. В конечном итоге предложение о «южном» маршруте возобладало».

В ранге первого заместителя министра В.А. Динков проработает два года.

В 1981 году Газпром проводил в последний путь Сабита Атаевича Оруджева.

Уже давно работающий в режиме абсолютной ответственности за деятельность всего Министерства газовой промышленности Василий Александрович Динков свое назначение министром встретил во всеоружии. Это произошло в мае 1981 года.

Министр газовой промышленности СССР с 8 мая 1981 года Василий Александрович Динков с первых же часов своего высокого назначения ощутил груз новой ответственности.

Это был первый год новой XI-й пятилетки 1981 — 1985 годов, поставившей перед отраслью задачу выполнения трудного и напряженного плана. Объекты газовой промышленности были признаны центральными стройками пятилетнего плана страны. Предстояло освоить новые месторождения, построить и ввести в действие пять крупнейших магистральных газопроводов Западная Сибирь — Центр, а также экспортный газопровод Уренгой — Ужгород, обязательства по эксплуатации которого при всем жестком противодействии США были скреплены подписями в двусторонних межправительственных соглашениях с ФРГ, Италией, Францией. На этих соглашениях стоит и подпись министра В.А. Динкова. Уже в первом номере журнала «Газовая промышленность» за 1982 год в статье «Неотложные задачи отрасли» министр В.А. Динков ознакомил читателей с результатом первого года работы и предстоящим объемом работ газовой промышленности до конца пятилетки:

«За истекший год добыча газа в целом по стране достигла 465 млрд м³, годовой прирост её составил 30 млрд, сверх государственного плана было добыто 7 млрд м³. Все газодобывающие объединения министерства выполнили установленные за-

Министр газовой промышленности СССР Василий Александрович Динков. Москва, 10 мая 1981 г.

дания по добыче газа. Объем промышленной продукции увеличился на 6,7 %, производительность труда возросла на 4,3 %... Газовой промышленности предстоит решить ряд крупных задач в области геологоразведочных работ, бурения, добычи и пе-

Расширенное заседание Коллегии Мингазпрома СССР с участием руководящих работников партийного аппарата, правительства, Госплана СССР. Москва, 1981 г.

Выступление на Пленуме ЦК КПСС. Москва, декабрь 1982 г.

Министр газовой промышленности СССР В.А. Динков со своими коллегами Г.Д. Маргуловым, С.Р. Дерезовым, Терентьевым и другими на Всемирном газовом конгрессе в Швейцарии

На австрийском промышленном предприятии. 1984 г.

*На обсуждении проекта сооружения подземного хранилища газа
ВНИИ-газ. Москва. 1983 г.*

переработки газа, конденсата, нефти. Необходимо ввести в промышленную эксплуатацию 65 новых месторождений, в том числе Советабдское в Туркмении с добычей в 1985 году 26 млрд м³ газа, освоить Карачаганакское газоконденсатное месторождение в Казахстане с добычей 3 млрд м³ газа, 2 млн т конденсата, 300 тыс. т серы. В исключительно сжатые сроки на базе уникального по составу газа Астраханского месторождения будет введен в эксплуатацию крупный газохимический комплекс, на котором уже к концу пятилетки предусматривается добывать 3 млрд м³ газа, 1 млн т серы и 1 млн т конденсата. В Узбекистане дальнейшее развитие получит переработка газа на Мубарекском ГПЗ с доведением его годового объема до 22 млрд м³. Главным районом роста добычи газа, — подчеркивается в статье, — в стране как в XI пятилетке, так и на более отдаленную перспективу остается Западная Сибирь. Здесь в 1985 году добыча газа должна быть доведена минимум до 360 млрд м³ («миллиард кубометров газа в сутки»)...

Большие работы предстоит выполнить по освоению нефтяных и газовых месторождений континентального шельфа...»

На торжественном собрании в министерстве, посвященном Дню Победы представители руководства страны, поздравив газовиков с впечатляющим результатом минувшего года, завершившегося добычей 435 млрд м³ газа, настойчиво призывали к еще большим успехам. Эти призывы приобретали особое значение еще и потому, что за всю полуторавековую историю нефтяной и полувековую история газовой промышленности текущие мировые цены на нефть, а следовательно, и на природный газ не достигали столь высокого уровня, как в описываемое время. Средняя цена барреля базовой нефти «Брент» на Лондонской нефтяной бирже в рекордном 1980 году составила 36,83 долларов, а «Западно-Техасской» на Нью-йоркской товарной бирже — 37,96 долларов. В отдельных сделках цена превышала отметку в 40 долларов. Соответственно выросли и цены на природный газ. Максимальная цена 1000 м³ на рынке Западной Европы в 1982 году, в зависимости от теплотворной способности газа, колебалась от 171 до 182 долларов. Высокие цены приносили баснословные прибыли экспортерам нефти и природного газа. К примеру, валютная выручка стран ОПЕК в 1982 году составила 278 млрд долларов. Высокие цены повсеместно в мире мобилизовывали инвестиции в 'неустаннй поиск

Первое выступление В. А. Динкова, назначенного министром газовой промышленности СССР от 8 мая 1981 года, на торжественном заседании работников отрасли, посвященном Дню Победы. Москва, май 1981 г.

нефти и природного газа, а также в разработку новых технических средств и технологических решений по экономному расходованию ставшего дорогим топлива. Экономика развитых капиталистических стран импортеров нефти подверглась перестройке и реструктуризации ... При всей относительной дешевизне отечественной нефти и газа, их экспортные цены на свободном рынке не могли, не должны были уступать мировым более чем на 5—8 %. В качестве примера следует признать очевидным успех упомянутой советской делегации, которая в 1980 году добилась согласования с импортерами весьма высокого уровня фьючерсной цены на потенциальный экспорт природного газа в Западную Европу — по цене 146 долларов за 1000 м³. О роли В.А. Динкова на этих переговорах достаточно красноречиво изложено в воспоминаниях Ю.П. Баталина.

Из добытых в 1980 году в СССР 603 млн т нефти каждая четвертая тонна экспортировалась. При этом из года в год уве-

Вручение знака ^Ветеран труда газовой промышленности^. Москва сентябрь 1981 г.

личивалась доля продаж на твердовалютном рынке. Приблизительно в таких же пропорциях и следуя той политике экспортировался природный газ, добыча которого в стране в 1980 году составила 435 млрд м³, принося баснословную валютную выручку. Американские оценки ежегодной выручки лишь от экспорта советского природного газа в начале 1980-х годов составляли 8-10 млрд долларов. С учетом выручки от экспорта нефти и нефтепродуктов эта цифра в указанное время приближалась к 40 млрд долларов (с учетом инфляции эта сумма превышает 50 % дохода бюджета России на 2003 год). В отличие от экономики капиталистических стран — импортеров углеводородов, на нашу страну взлет мировых цен на нефть и газ оказывал наркотическое воздействие, развращая её экономику и побуждая в ней паразитирование на природной ренте, при растущем неудовлетворенном спросе на потребительские товары. Львиная доля валютной выручки уходила в ВПК. Маховики гонки вооружений раскручивались до предельно опасных оборотов, увеличивая никогда не ослабевающую тяжесть нагрузки

на нефтяников и газовиков. От руководителей ТЭКа страны это требовало концентрацию отраслевых ресурсов на ключевой деятельности министерств. От газовой промышленности — увеличение прироста запасов и добычи природного газа.

В.А. Динков уже в новом качестве предпринял серию инспекционных выездов на места для непосредственного ознакомления с положением дел и обсуждения с местными руководителями накопившихся вопросов производства, специализации и принятия руководящих решений о перспективах отрасли. Одной из таких мер была командировка в Баку.

Здесь многое напоминало о студенческой юности и это впечатление подкреплялось встречами с бывшими сокурсниками и институтскими товарищами. Особенно впечатляющей была встреча с Председателем Совета Министров АзССР Гасаном Нейматовичем Сеидовым. В далекие студенческие годы два иногородних студента В. Динков и Г. Сеидов жили в одном общежитии, нередко в послеурочное время встречаясь за подготовкой к занятиям в читальном зале библиотеки общежития, где студент Динков по совместительству работал библиотекарем. Вспоминались и беспокойные дни пуска импортного газопровода с иранским газом. Цель поддержанного Госпланом СССР визита министра в Баку была более чем серьезной. Как быть с доставшимся Мингазпрому в наследство от С.А. Оруджева и связанным с его именем, важным для экономики страны направлением деятельности по освоению морских нефтегазовых ресурсов? Об этом визите сегодня вспоминает его участник, бывший главный специалист отдела нефтяной и газовой промышленности по проблемам шельфа Госплана СССР **Чингиз Гусейнович Саттаров**. «Надо отметить, что ознакомление с новыми производственными мощностями на заводе глубоководных оснований, встречи и беседы с буровыми бригадами и специалистами на морских платформах, стационарных основаниях и эстакадах, обсуждение проблем перспектив нефтегазности каспийского шельфа Азербайджана обнаружили удивившую окружающих информированность и посвященность Василия Александровича в казавшемся не столь близко знакомом ему профессионально деле морских нефтяников... Мне лично В.А. Динков был хорошо знаком с 1972 года — со времени моего поступления в аппарат Мингазпрома, где я работал начальником отдела по проблемам шельфа Управления по бу-

Посещение министром газовой промышленности СССР В.А. Динковым Карадагского завода железобетонных изделий в Баку вместе с руководителями Азербайджана. В. А. Динков в сопровождении Председателя Совета Министров Азербайджана Г.Н. Сеидова (на фото второй справа), членов правительства Азербайджана: Татлиева, Лемберанского и специалистов завода знакомится с цехами предприятия. Баку, март 1982 г.

рению, а впоследствии замначальника Главморнефтегаза, до перевода в Госплан в 1980 году. Его нередкие выступления на заседаниях Коллегии по обсуждению проблем шельфа вызывали удивление обширностью инженерных знаний, хотя до этого знакомства с ним В.А. Динков был мне известен непререкаемым авторитетом в газовом деле.

Наше пребывание в Баку, — продолжал Ч. Г. Саттаров, — привело к неутешительным выводам об исключительно капиталоемком производстве при относительной скудости разведанных извлекаемых геологических запасов нефти и газа.»

Министр В.А. Динков не понаслышке знал и об истории, и о насущных проблемах их освоения. Со времени назначения министром в 1972 году С.А. Оруджев настойчиво выносил на

Министр газовой промышленности СССР В. А. Динков в сопровождении руководителей Азербайджана и Каспморнефти на встречах с рабочими и буровиками на морском промысле НГДУ <28 апреля> Баку, март 1981 г.

В прощальных рукопожатиях двух отечественных руководителей у трапа самолета в Бакинском аэропорту есть нечто большее, чем простые протокольные обязанности. Им есть что вспомнить. В далекие 1950-е годы, с разницей в пару лет, они жили в одном общежитии для иногородних студентов - уроженец Краснодара, студент АзИИ В. Динков и уроженец Грузии, студент Бакинского Политехнического института Г. Сеидов.

обсуждение Коллегии Мингазпрома проблемы освоения морских нефтегазовых ресурсов, прикладывая при этом неослабевающие усилия в правительстве к централизации союзной деятельности по освоению морского шельфа страны. Важным шагом в этом направлении виделось сосредоточение указанной

деятельности в едином государственном органе и непременно под его руководством. Не дожидаясь кардинальных организационных решений, Мингазпром, на первых порах приступил к разведке шельфа Азовского моря, на северном газосодержащем протяжении хорошо знакомого Василию Александровичу Азово-Кубанского бассейна. Здесь в середине 1970-х годов были открыты газовые месторождения с суммарными извлекаемыми запасами более 70 млрд м³ при оценках потенциальных запасов до 110 млрд м³.

Параллельным курсом не ослаблялись усилия по созданию морского министерства нефтяной и газовой промышленности с полномасштабным штатом сотрудников. С.А. Оруджев при поддержке Госплана СССР и ГКНТ СССР склонил к этому решению двух важных оппонентов — Министерство геологии и Министерство нефтяной промышленности. Однако, узнав за несколько дней до окончательного решения вопроса об иной, поддержанной бакинским Каспморнефтегазом кандидатуре руководителя намечающегося министерства, он в считанные дни сменил тактику и вышел с «более экономичным» альтернативным предложением — создать в составе Мингазпрома Главморнефтегаз с урезанной численностью сотрудников до 20—25 % от ранее намеченной, которое и было принято в августе 1978 года. Об этом подробно написал в книге воспоминаний «Сабит Оруджев» бывший замначальника отдела нефти и газа ГКНТ СССР Султан Мустафаевич Гамзатов. Последняя точка в этом усеченном решении важной государственной проблемы была поставлена в Баку. С.А. Оруджев появился здесь немедленно после принятия постановления правительства. В сопровождении многочисленной свиты, в ослепительном, наспех, но с иголки сшитом и по праву надетом адмиральском мундире с золотыми позументами на кремовой костюмной ткани, он проследовал в кабинет начальника Каспморнефтегаза и ...подписал приказ о его смещении.

С организацией в августе 1978 года в Мингазпроме Главморнефтегаза сюда из Миннефтепрома вместе со специалистами до 150 человек была перенесена вся деятельность по освоению морских нефтегазовых ресурсов страны. С этого времени проблемы освоения шельфа стали заслушиваться на Коллегии Мингазпрома регулярно. А накопилось их не мало. Некогда гордость отечественной нефтедобычи на море и излюбленный

объект кинодокументалистов и журналистов, — месторождение и нефтепромысел Нефтяные Камни, на котором с начала 1950 года уже добывалась нефть, к началу 1980 года представлял архаическое зрелище. Сотни буровых и эксплуатационных стационарных платформ, соединенных обветшалыми свайными эстакадами, формировали затейливый рукотворный город в море, он же промысел, протяженность «улиц» которого превышала 240 км. Изначальный отечественный опыт освоения морского месторождения включал сооружение морской платформы на свайном основании, с которой начиналось бурение разведочной скважины. При обнаружении искомого продукта платформа превращалась в стационарную установку для бурения скважин эксплуатационных. Будучи соединенными между собою свайными эстакадами, они наращивали таким образом хозяйство морского промысла.

Мировой же опыт разведочного бурения и последующего освоения морских нефтегазовых ресурсов базировался на развитии флота мобильных платформ самоподъемного, полупогружного типа, а также буровых судов, с которых осуществлялось разведочное бурение. В случае удачи, им на смену приходили платформы эксплуатационного бурения либо, как это имело место на глубоководном норвежском шельфе, сооружались огромные железобетонные опорные основания гравитационного типа с высотой опор свыше 300 м. Лишенный единообразия зарубежный опыт включает различные конструктивные решения морского промысла с использованием унифицированных блоков, его глубоко продуманную эксплуатацию и транспортировку продукта с учетом климатических, батиметрических, географических и иных конкретных условий, включая ледовую обстановку на море, её продолжительность и др. Как правило, используемые при этом технические средства и технологические решения в высшей степени капиталоемки.

Следует отметить, что несмотря на жесточайший режим экономии в отношении невоенных отраслей экономики, со второй половины 1960-х годов к нефтяникам Каспия стали поступать мобильные платформы. Результатом первой пробы отечественных возможностей стала более чем скромная платформа самоподъемного типа «Апшерон», изготовленная в 1966 году для бурения скважин на глубину до 1800 м при глубине воды до 15 м. Через два года здесь была установлена закупленная в

Голландии установка самоподъемного типа «Хазар», конструктивные особенности которой нашли применение на следующих отечественных платформах подобного типа: «Азербайджан» (1972 год), «Баку», «60 лет Октября» (1978 год). Наконец, в 1979 году на верфи астраханского производственного объединения «Лотос» было завершено изготовление первой отечественной платформы полупогружного типа «Каспморнефть», а в 1980 году — второй, такого же типа платформы «Шельф-1», сконструированных по западному образцу.

К середине 1980-х годов усилиями уже министра В.А. Динкова каспийский флот мобильных буровых платформ насчитывал одиннадцать единиц. Бурение с платформ осуществлялось на глубину до 6000 м при глубине воды до 200 м. На то время и в тех условиях это было значительным достижением. Наибольшим успехом морских нефтяников тех лет было открытие в 1979 году в 15 км юго-восточнее Нефтяных Камней на глубине 4500 м месторождения «28 апреля» (после распада СССР, в 1990-х годах переименовано в «Гюнешли») с извлекаемыми запасами до 100 млн т нефти. Это месторождение начало эксплуатироваться в 1981 году, и не удивительно, что его посещение было включено в программу пребывания министра газовой промышленности В.А. Динкова на предприятиях Каспморнефти в 1981 году. Этот успех вселял уверенность в неисчерпанность углеводородных ресурсов Каспия и усиливал аргументы в пользу расширения географии их поиска.

«Понимая важность этого направления работ, — подчеркнул Ч.Г. Саттаров, — Василий Александрович продолжал поддерживать дорогостоящие усилия «моряков». Конечно же, складывающаяся ситуация не могла не вызывать беспокойство министра, озабоченного выполнением неуклонно увеличивающегося плана добычи природного газа. Но масштабное мышление, охватывающее все пространство огромного российского шельфа, занимающего площадь в 6 млн км², или 20 % площади шельфа Мирового океана, в отдельных районах которого геологами уже были обнаружены нефтегазоносные структуры, подсказывало неизбежность потенциальных открытий, а это было очень важно для судьбы государственно важного дела и тем более, что изученность шельфа на нефть и газ не превышала двух процентов...»

В.А. Динков поддерживал мнение ученых о значительных

Обсуждение проблем разработки морских нефтяных месторождений во Вьетнаме в рамках деятельности советско-вьетнамской компании <<Вьет-совпетро>

запасах нефти и газа в недрах арктических морей. Этот аспект деятельности В.А. Динкова положительно характеризовал и Н.К. Байбаков.

«Много сил и энергии, — пишет в своих воспоминаниях Николай Константинович, — Динков вложил в ускоренное решение комплекса вопросов по освоению нефтегазовых месторождений морских шельфов. К середине 1980-х годов в основном были решены вопросы создания специальных средств, позволяющих приступить к работам на больших глубинах морей.»

Его энергичная поддержка усилий Зарубежнефти по подписанию соглашения о создании в 1981 году с вьетнамцами компании «Вьетсовпетро» по совместной разработке нефтегазовых ресурсов вьетнамского шельфа и последовавшая командировка во Вьетнам лишь подтвердили личную приверженность министра В.А. Динкова этой перспективной сфере дея-

тельности и за рубежом. Отметим, что деятельность «Вьетсовпетро» оказалась самым эффективным вложением наших инвестиций за пределами страны за всю историю сотрудничества с иностранными компаниями нашего бывшего и настоящего государства. С каждым новым десятилетием прибыль компании «Вьетсовпетро» и её достойная часть, отчисляемая России, лишь растет. К своему двадцатилетию, отмеченному в 2001 году, компания побила все рекорды и уверенно смотрит в будущее.

Весь трагизм положения, с которым В.А. Динков столкнется в более жестких условиях через несколько лет уже в качестве министра нефтяной промышленности, состоял в том, что по праву претендующие на независимую профессиональную деятельность в рамках самостоятельной государственной структуры, высококвалифицированные специалисты по разведке и разработке морских нефтяных и газовых месторождений оказались, как бы, инородным телом, попеременно живущем на остаточном довольствии то у одного, то у другого отраслевого союзного министерства (Миннефтепром, Мингазпром и вновь Миннефтепром), отягощенного своими собственными неослабевающими заботами.

Несколько забегаая вперед, лишь отметим, что его преемники в Мингазпроме не будут отягощать себя столь пространными размышлениями и сделают все, чтобы около сотни оставшихся в министерстве специалистов экстра класса оказались на положении отверженных пасынков.

Такого пренебрежительного отношения к людям, труд которых во все времена с появления профессии нефтяников моря был абсолютно ликвидным товаром на международном рынке труда, не могла себе позволить ни одна богатая страна. Что же говорить о нас? Иначе, как нерадивостью (и это очень щадящее выражение) не назвать такое отношение к золотому фонду отечественных профессиональных знаний в этой уникальной, специфической и сегодня высокооплачиваемой дальновидными хозяевами сфере деятельности, в которой с послевоенных лет мы имели высококонкурентный профессиональный потенциал. Рассеянные временем эти люди, каждый уже в меру личных житейских способностей, устраивался на любую работу в нефтегазовых компаниях, включая зарубежные, где их высокооцененный труд приносил и приносит немалый

доход и новым рачительным хозяевам. И это при нашей-то бедности?!

А предвидение Василия Александровича Динкова подтвердилось через полтора-два десятка лет на российском и казахстанском шельфе севера и северо-востока Каспия, на Карском, Баренцевом, Печорском морях, а также на сахалинском шельфе Охотского моря. На Охотском море в дополнение к ранее открытым месторождениям природного газа, в июле 1999 года на Астохском участке Пильтун-Астохского нефтяного месторождения проекта «Сахалин-2» началась промышленная добыча нефти. Это дальневосточное достижение было удивительным образом связано с именем В.А. Динкова, но уже с Динковым — президентом созданной им компании «СЖС-Энергодиагности-ка», участие которой сыграло не последнюю роль в успехе крупного международного проекта, эффективность которого с годами лишь возрастает.

Ни возраст, ни периодически напоминающий о себе недуг не ослабят его увлеченности действием и в этой важной производственной сфере нефтяников и газовиков. Подтверждением неослабевающего интереса В.А. Динкова к проблемам освоения шельфа и озабоченности состоянием обеспечения безопасности работ является одна из его последних статей, опубликованная в соавторстве в № 11 журнала «Газовая промышленность» за 2000 год. Он обращает внимание на необходимость совершенствования нормативного и правового регулирования при развитии работ по добыче полезных ископаемых на шельфе России с учетом мирового опыта, на целесообразность обеспечения четкой координации деятельности всех органов, осуществляющих надзорные и контрольные функции на нефтегазодобывающих объектах шельфа. Владея огромным опытом руководства газовой и нефтяной промышленностью, он.. настойчиво предлагает не ослаблять усилий на углубление контрольных функций Госгортехнадзора России при активном привлечении высокопрофессиональных экспертов, указывает на конкретные недостатки проектной документации исполнителей проекта «Сахалин-2», проекта по обустройству Приразломного месторождения в Баренцевом море, живет жизнью труженика...

«Инженерный талант Василия Александровича Динкова по праву в одном ряду с такими представителями российской ин-

женерной мысли как инженер Кулибин, инженер Шухов. Он наиболее полно отвечал тому изначальному смыслу, который был положен в основу понятия «инженер», родившемуся от латинского «тдепшт» — гениальный человек, творец. К сожалению, наше общество, увлекшись массовостью, на протяжении своего существования выхолостило, сnivelировало понимание исключительности и значимости профессии истинного инженера, пользующейся совершенно иной, значительно более серьезной репутацией на Западе. Выручало то, что Россия всегда была богата талантами. И одним из них, без преувеличения, носителем могучего российского инженерного духа был Василий Александрович.»

Под этими словами действительного члена Российской Академии Наук **Анатолия Николаевича Дмитриевского** готовы расписаться все бывшие коллеги В.А. Динкова, изъявившие готовность сотрудничать с автором в написании книги и вне сомнения огромная армия инженерно-технических работников и ученых, участников грандиозной нефтегазостроительной эпопеи 60—80-х годов XX века.

«Естественно, — продолжал в нашей беседе А.Н. Дмитриевский, — его глубинные знания позволяли проникаться безошибочным пониманием всех тонкостей нефтегазового дела. На протяжении целых десятилетий любой значительный проект Динков буквально пронизывал своим интеллектом, и его феноменальная способность отделять зерна от плевел ни разу не подвела... Много раз, участвуя на заседаниях Коллегии Министерства газовой промышленности и Министерства нефтяной промышленности во главе с министром Динковым, в обсуждениях все новых и новых проектов разработки газовых и нефтяных месторождений, я всегда поражался точности динковской оценки. И достаточно было ему в ходе этих обсуждений увидеть в предложении глубокую инженерную обоснованность, чтобы проекту было предопределено внедрение в жизнь. Будучи уверенным в своей правоте, он мог, не взирая на регалии оппонента, идти против мнения большинства.

Последующее время лишь подтверждало его правоту. Не надо быть специалистом, чтобы оценить всю историческую значимость умения принимать безошибочно верные решения, обеспечивающие макроэкономический успех в развитии, судьбоносных для жизни страны, нефтяной и газовой промыш-

*Участники Мирового газового конгресса в Лозанне, Швейцария.
Слева направо: члены советской делегации — Волчков, Ю.П. Коротаев,
А.Н.Дмитриевский, (?), В.А.Динков*

ленности. Ведь не случайно, — продолжает А.Н. Дмитриевский, — и не для красного словца о достойнейших личностях говорят, как о национальном достоянии. Нас же воспитывали, втолковывая мысль, мол незаменимых нет. Жизнь же постоянно напоминает об ошибочности этого тезиса. Надо признать великим счастьем страны, что при всех, выпавших на ее долю испытаниях, она продолжает располагать этим незаменимым ресурсом. Без преувеличения, именно усилиями таких гигантов как Валентин Дмитриевич Шашин, Николай Константинович Байбаков, Алексей Кириллович Кортунов, Сабит Атаевич

Оруджев, Василий Александрович Динков и многих других не поименованных в стране был создан уникальный нефтегазовый комплекс, равного которому нет в мире и сегодня. В этом нет преувеличения, так как и в сегодняшних сложнейших условиях Россия добывает без малого 850 млн т жидких и газообразных углеводородов в нефтяном эквиваленте. На годы, когда Василий Александрович руководил Министерством газовой промышленности, пришелся максимальный расцвет отрасли, когда среднегодовой прирост добычи природного газа не снижался ниже показателя в 30—35 млрд м³, а в 1985 году подготовленная всеми предшествующими годами отрасль обеспечила увеличение добычи на 50 млрд м³. Отдельная тема — доклады Василия Александровича на мировых газовых, а затем и нефтяных конгрессах. Они всегда отмечались, как значительные события в мировом энергетическом комплексе. Конечно же, — говорит А.Н. Дмитриевский, — мы старательно готовили исходный материал, но после его доработки весь первоначальный материал коренным образом менялся. Он обладал прекрасным даром видения перспективы и тенденции развития топливно-энергетического комплекса. Помню, в начале 1980-х годов на Мировом газовом конгрессе в Лозанне Василий Александрович выступал с докладом о перспективах развития газовой промышленности СССР. В докладе впервые были обоснованы экологические и экономические преимущества природного газа и продемонстрирована способность газа взять на себя важную экономическую функцию в ТЭКе потенциальным использованием части накопления в высшей степени прибыльной отрасли для создания экологически чистых технологий и повышения безопасности условий труда в угольной промышленности и атомной энергетике.

Это был поистине всеохватный масштаб и, что особенно важно, во всеобщее благо страны. Именно после его доклада, — продолжает воспоминания Дмитриевский, — в обиход вошли термины «газовая передышка» и «эпоха метана.»

(В противовес сторонникам безудержного роста добычи природного газа до триллиона кубометров в год была показана разумная альтернатива с использованием угля и АЭС.) Такая постановка вопроса разительно отличалась от конкретных шагов его преемников в руководстве газовой промышленностью.

Через пять лет беспечность в стране приведет к чернобыльской трагедии.

В год чернобыльской трагедии Конгресс США при поддержке президента Рейгана введет в действие многолетнюю исследовательскую демонстрационную программу Министерства энергетики по разработке, созданию и рекламе технических средств и технологии получения и использования экологически чистого угля в электроэнергетике с выделением для этих целей 5 млрд долл. И через двадцать лет администрация американского президента Буша, младшего, подтверждая национальную приверженность этой идее приступит к исполнению предвыборных обязательств своего босса инвестировать для тех же целей полмиллиарда долларов в год, ибо традиционной уязвимостью неизбежно широко используемого для получения электроэнергии угля является загрязнение окружающей среды. Ведь не случайно светонесная энергетическая продукция угольных электростанций носит клеймо «a1g1: By \y1ge» (прямой перевод: «загрязнения по проводам»). Наконец, через 21 год в новом российском журнале «Мировая энергетическая политика» появится интервью, в котором президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев разовьет высказанную В.А. Дин-ковым мысль, подчеркнув «...если мы хотим в будущем иметь быстро растущую и процветающую экономику, вожаденные нефтедоллары (равно, как и «газодоллары», М.Г.) должны стать своего рода «удобрением» для производства и отраслей экономики, которые находятся в зачаточном (либо запущенном, М.Г.) состоянии или пока не существует вообще».

Руководство же Газпрома через 16 лет заявит, что время «возникновения условий для вовлечения экологически приемлемых угольных технологий» придет не раньше 2010—2020-х годов (см. Стратегия развития нефтегазовых компаний / Под ред. профессора Р.И. Вяхирева. — М.: Наука, 1998. — С. 49). А заявив подобное уже в новых рыночных условиях России 1990-х годов, оно будет продолжать выражать недовольство политикой руководства российских электроэнергетиков в лице РАО ЕЭС, которое, в свою очередь, уже из эгоистических соображений настойчиво предпочитает использовать дешевый природный газ, покрывая им две трети потребности, вместо «сбалансированного» использования относительно дорогого мазута и экологически неполноценного угля, добываясь при

этом высокотехнологичного превращения его во всесторонне полноценное топливо.

Но в этой непростой ситуации и должна быть выказана регулирующая функция государства — главного акционера и Газпрома, и РАО ЕЭС.

А ведь с высокой трибуны Международного газового Конгресса в 1981 году министром самой крупной газодобывающей державы мира была выражена озабоченность складывающейся ситуацией и предложен продуманный подход к решению обострившейся сегодня проблемы сбалансированности и безопасности использования человечеством всего многообразия энергетических ресурсов. Применительно же к нашей стране это позволило бы безболезненно решать проблемы электроэнергетики с высвобождением природного газа для использования в трудозатратных технологиях химического производства и в иных, социально и экономически более оправданных целях. Именно в подобных случаях правомерно говорить о предвидении государственного масштаба. (Примечание М.Г.)

Анатолий Николаевич остановился еще на одной черте характера В.А. Динкова, который всегда подчеркнуто уважительно относился к науке, к мнению ученых и попросту к собеседнику и ни при каких обстоятельствах не навязывал своего мнения, когда речь шла об оценке той или иной, пусть и в высшей степени достойной, работы на соискание ученой степени. «Он учитывал всю неотвратимость влияния своего суждения на решение ученого совета, — подчеркнул А.Н. Дмитриевский, — и оставлял ему абсолютную свободу для принятия объективного решения.»

Подтверждением особого отношения В.А. Динкова к науке и ее производной — технологии служат и прилагаемые в книге воспоминания **Рудольфа Михайловича Тер-Саркисова**, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, действительного члена Академии горных наук и Академии естественных наук, доктора технических наук, профессора. В течение четырнадцати лет он был заместителем генерального директора ВНИИГАЗа, ныне — директор этого института.

«При всей безусловной готовности содействовать продвижению и практической реализации достойной научной идеи, Василий Александрович всегда отличался взвешенностью суждений и, тем более, глубокой продуманностью принимаемых

решений», — вспоминает бывший директор ВНИИГАЗа **Александр Иванович Гриценко**. «Характерным примером может служить занятая им позиция в принципиальных дискуссиях по использованию предложенной известным в стране научным центром конструкции многослойных труб для трубопроводов высокого давления в 100 атм и выше. Казалось, трудно было устоять перед соблазном и не согласиться с аргументами влиятельных и признанных в техническом мире сторонников предлагаемого конструктивного решения...»

Следует отметить, что в защиту этой идеи выступил министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербина. «Кстати, — заявил в одном из интервью Борис Евдокимович, — пропускная способность трубопроводов будет расти и дальше. Более прочные многослойные трубы позволят поднять давление в магистральных и на треть увеличить поток газа в них...» На страницах отечественной и зарубежной прессы появились восторженные журналистские обзоры о «технологическом прорыве» в трубопроводном строительстве, о ламинарных, многослойных трубах. Для производства этих труб на Выксунском трубопрокатном заводе в Горьковской области был смонтирован стан, выпущены трубы и на опытных участках началось проведение их всесторонних испытаний. Однако восторг разделялся не всеми. Как вспоминает А.И. Гриценко: «Этот вопрос был вынесен на обсуждение на совещании у Председателя СМ СССР Н.А. Тихонова, которое состоялось в начале 1980-х годов в Кремле. На этом совещании настойчивости инициаторов были противопоставлены контраргументы ВНИИГАЗа, решительно поддержанные В.А. Динковым. Расчеты показывали, что в напряженной многослойной трубе возникали неконтролируемые, деструктивные процессы... Будучи тогда первым заместителем министра, В.А. Динков лично перепроверил расчеты и его четко изложенное мнение не оставило надежд у авторов предложенной идеи.

Независимо от того, обсуждалась ли в институте генеральная схема развития отрасли, шла ли речь об оптимизации отбора газа из подземного хранилища, либо о выборе изоляционного покрытия газопровода, во всех случаях в рассмотрении каждого серьезного вопроса Василий Александрович принимал самое деятельное участие, в предварительном порядке скрупу-

лезно изучив мировой опыт и наивысшие достижения в указанных областях и черпая сведения из своих, казавшихся неисчерпаемыми, знаний.

А мое первое знакомство с Василием Александровичем, — продолжал воспоминания А.И. Гриценко, — произошло в 1958 году в Краснодаре, куда молодым выпускником Московского нефтяного института с дипломом инженера по разработке газовых месторождений я прибыл на работу по институтскому распределению и был определен в Газопромысловое управление Краснодарского совнархоза. Василий Александрович в те дни увлеченно трудился на промыслах в поселке Черноморском, инициативно внедряя систему промыслового сбора попутного газа. К удивлению скептиков, работа проходила более чем успешно и увлеченный неутомимым главным инженером Динковым я стал подолгу задерживаться на промыслах. Моя увлеченность стоила однажды моим близким не малых тревог.

Может показаться неправдоподобным, но задержавшись с Василием Александровичем на Ленинградском месторождении, я невольно подверг тревожным волнениям родных и друзей, опоздав... в ЗАГС на собственную предсвадебную регистрацию женитьбы... Когда после непродолжительной работы в Краснодаре я решил поступить в аспирантуру и продолжить работу на научном поприще, Динков внимательно выслушал и безоговорочно поддержал мои намерения. Время развело наши пути. К 1977 году мы встретились вновь и уже доктором наук и руководителем деканата родного института я был рекомендован В.А. Динковым и его коллегами по руководству министерством и приказом министра С.А. Оруджева назначен директором ВНИИГАЗа. С этого времени мои встречи с В.А. Динковым вошли в русло систематических обсуждений множества научных предложений по решению конкретных проблем бурно развивающейся газовой промышленности. Институт жил творческой жизнью, насыщенной научно-производственными свершениями. Наши расширенные заседания и острые дискуссии создали институту репутацию достойного центра отраслевой науки, приоритеты которой находили живой отклик и оперативное применение непосредственно на производстве. Мы по праву гордились достигнутым уровнем научных исследований и их признанием на многочисленных международных форумах. Се-

годня, по истечению десятилетий становится более чем очевидным, что в значительной степени, достигнутая ВНИИГАЗом высокая репутация была ещё и следствием того подчеркнуто уважительного отношения к мнению ученых и к их нуждам, которое с готовностью проявлял Василий Александрович Динков на всех этапах руководящей деятельности в Мингазпроме, вплоть до министра, снискав в душе деятелей отраслевой науки благодарную и неувядающую память.»

К середине 1980-х годов четко отлаженный механизм газовой промышленности, успешно решивший главную стратегическую задачу — обеспеченность извлекаемыми запасами, которых хватило на сотню лет, уверенно лидировал в народном хозяйстве. Продукция отрасли, прочно утвердившись и на европейском рынке, обеспечивала стабильное поступление в казну желанной валюты. Правда, экспортная цена советского природного газа уступала среднеевропейской, но это была, скорее, общая беда советских товаров на мировом рынке, нежели вина экспортеров.

Но правда и то, что рой новоиспеченных нефтегазоэкспортеров уже 1990-х годов не оставит многострадальной стране надежд на дотошное выторговывание для казны каждого цента за каждый баррель и каждые 1000 м³ газа, экспортируемых на твердовалютном рынке. Нелишне при этом отметить, что каждый выигранный цент в ответственной для экономики страны торговле нефтью и газом лишь при фактическом экспорте нефти не менее 100 млн т в год обеспечивает выигрыш не менее 7,3 млн долларов. А ведь разница в ценах нашей «Юралс» и базовой «Брент» исчисляется не центами, но долларами. И в переживаемое время эта разница подчас не столько, как того требуют правила, результат различия физико-химических свойств отечественного и базового товара, сколько следствие тщательно продуманной многоходовой комбинации исполнителей торговых сделок и их «наставников». Конечный же результат этой «деятельности» — оседание огромных сумм в обход казны на соответствующих валютных счетах, а это удар и по бюджету страны и репутации законопослушных трейдеров.

У этой действительности была и очевидно есть своя идеологическая основа. Где, как не в сфере обращения этих ликвидных товаров, наверное думалось и наверняка думается от-

цам реформаторам, мог наращивать первично-накопительский жирок нарождающийся и востребованный жизнью российский собственник (?!). Однако были забыты и мера в обнаружившихся аппетитах и ответственность перед народом. А тяжелый недуг верховной власти лишь разжигал алчность стяжателей.

Через десять лет, досконально разобравшись во всех звеньях цепочки внешнеторговых операций нефтью и газом, Василий Александрович, уже будучи президентом СП «СЖС-Энергодиагностика», предложит организовать на экспортных терминалах пункты независимого аудиторского контроля качества и количества этих товаров. Экономическая целесообразность предложения будет подкреплена тщательными расчетами.

Надо ли быть большим провидцем, чтобы оценить и становящуюся все более очевидной смелость предложения и определить его судьбу. Оно оказалось под сукном.

Рост мирового энергопотребления при географической неравномерности размещения геологических запасов ископаемого топлива, обеспечивал неоспоримые преимущества странам, недра которых обладали их значительными ресурсами, и в перспективе сулил им ещё большие выгоды. Это укрепляло позиции и убедительность аргументов политиков нефтегазодобывающих стран, и СССР не стал в этом отношении исключением. Беда была в том, что выпавший стране подарок природы, или «Прайз» («Рпге»), как в одноименном исследовании назвал его американский ученый Даниэль Ергин, востребованный и поставленный на службу государству целенаправленными усилиями признанных специалистов успешно работающей отрасли, в конечном итоге, правительством использовался крайне неэффективно. Идеологизированная экономика, следующая «генеральной линии», использовала эти преимущества, главным образом, как бы «гарниром» к политическим инициативам и на латание дыр во всепожирающем жерле военно-промышленного комплекса. Новый, еще более крутой виток вооружений не оставлял надежды на новую «оттепель». Но эта была недостижимая сфера высшей политики, осуществление которой неизбежно оборачивалось ужесточением требований увеличения добычи нефти и газа. Сама же газовая отрасль, как и нефтяная, точнее отечественное нефтяное и химическое машиностроение и компрессоростроение, призванные обеспечивать

Испытание снегоболотохода «Ямал» на подмосковном полигоне Миннеф-тегазстроя СССР в Раменском. Москва, Раменский полигон, начало февраля 1985 г.

потребности нефтегазовой отрасли, за некоторым периодически серьезным исключением жили на остаточном принципе. И тем значительными и неоспоримыми были их достижения.

И тем достойнее, к шестидесятилетию со дня рождения 24 декабря 1984 года было присвоение Василию Александровичу Динкову звания Героя Социалистического Труда. Министр мог по праву гордиться достижением газовой промышленности, которой отдана тридцатилетняя трудовая деятельность со дня окончания института. В завершающемся 1984 году добыча вплотную подошла к некогда непостижимой отметке в 600 млрд м³, обеспечив фантастический годовой прирост в 51,5 млрд м³. Около четверти века назад, в 1961 году приблизительно столько добывала вся страна.

Отрасль была неудержимо устремлена к новым достижениям и её министр рождал в писательской фантазии образное сравнение с вездеходом смелой инженерной мысли, уверенно прокладывающем свежую колею, вторгаясь в доселе неизведанное, и преодолевающим любые препятствия на всех напра-

На снимке слева направо: министр газовой промышленности СССР В.А. Динков (с 13 февраля 1985 года - министр нефтяной промышленности СССР), советник Государственного комитета СССР по науке и технике М.Н. Гайказов, министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР В.Г. Чирсков, посол Канады в СССР господин Форд и министр угольной промышленности СССР М.И. Щадов на испытаниях снегоболотохода - «Ямал». Москва, Раменский полигон, начало февраля 1985 г.

влениях движения, не расплескав и приумножив преимущества. Эту ассоциацию подсказала памятная встреча в зимний февральский день 1985 года на испытательном полигоне Миннефтегазстроя СССР в подмосковском Раменском. Здесь, в присутствии трех советских министров (В.Г. Чирскова, В.А. Динкова и М.И. Щадова) и посла Канады в СССР господина Форда демонстрировались первые ходовые испыта-

ния красавца снегоболотохода «Ямал» грузоподъемностью 70 т — первого реального плода многообещающего советско-канадского сотрудничества, организованного Государственным комитетом СССР по науке и технике. Эта, вобравшая в себя все достижения дорожной техники машина, несмотря на внушительные размеры, удивляла высокой маневренностью, надежностью и проходимостью, что было продемонстрировано на просторном Раменском полигоне с искусственными препятствиями. Ее динамичность обеспечивалась мощным приводом, а комфортность продуманным дизайном. Ее рождение было результатом компромисса, достигнутого между советской и канадской сторонами после совершенно непредвиденных и сложных переговоров, проведенных под эгидой ГКНТ СССР. Дело в том, что в декабре 1981 года в одном из пространных интервью министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Б.Е. Щербина, комментируя достижения строителей нефтегазопроводов, остановился на оценке достоинств применявшейся вездеходной техники: «Болота мы преодолеваем с помощью «Тюмени» — двухзвенной машины с резинометаллическими гусеницами. «Тюмень» с 30-тонным грузом проходит там, где тонули канадские вездеходы...».

Через полтора года в 1983 году образец этой машины был выставлен на Международной выставке «Нефть и газ-83» в Москве. И здесь, заинтригованные статьей, любопытные участники канадского павильона выставки обнаружили в конструкции пресловутой «Тюмени» заимствование ноу-хау из канадского снегоболотохода «Форемоуст». «Тюмень» была создана по горячим следам поступивших к нам по импорту с начала 1970-х годов канадских снегоболотоходов грузоподъемностью 35 т и уже не первый год использовалась нефтегазостроителями, нефтяниками и газовиками в Тюменской области. Уверовав в нарушении авторских прав, канадцы с соблюдением всех нюансов процедуры обратились за содействием в МИД СССР с предложением организовать переговоры с производителями «Тюмени» для решения возникшей коллизии. На переговорах, проведенных ГКНТ СССР, как гром среди ясного неба цена вопроса была оценена канадцами в 3 млн долларов «за компенсацию материального ущерба». В конечном итоге сошлись на совместной разработке и создании нового снегоболотохода грузоподъемностью 70 т с отказом канадцев от выдвинутых пре-

тензий. Одним из первых, кто решительно откликнулся на предложение ГКНТ и поддержал создание подобных большегрузных машин был Василий Александрович. Более того, подчеркивая важность идеи, он лично прибыл на испытательный полигон. Как через несколько дней неожиданно для всех выяснилось В.А. Динков буквально последние дни руководил Мингазпромом (через неделю 13 февраля 1985 года он приступит к исполнению обязанностей министра нефтяной промышленности СССР). Так, что ГКНТ СССР, организовавший сотрудничество по созданию «Ямала», был спокоен, имея согласование не только с едва избежавшим неприятности Миннефтегазстроем СССР, но в одном лице В.А. Динкова, согласование с двумя министерствами — Мингазпромом и Миннефтепромом СССР, к этому времени интенсивно разрабатывавшими крупные месторождения газа и нефти на огромных необжитых пространствах северных районов Западной Сибири. Прибывший на испытательный полигон посол Форд с удовлетворением отметил рождение крупномасштабного советско-канадского сотрудничества. Он был приятно удивлен присутствием на испытаниях трех союзных министров, весьма своеобразно и многозначительно прокомментировав этот факт одним лишь словом на английском, адресовав его то ли своему секретарю, то ли мне (М.Г.) — «па18» («шапки»). Я огляделся, и он перехватил мою улыбку. Головные уборы трех министров отличались лишь... размерами. Три великолепные меховые шапки-близнецы надежно защищали их хозяев от подмосковного мороза.

В наступившем 1985 году министру газовой промышленности Василию Александровичу Динкову виделся неослабевающе напряженный, отлаженный трудовой ритм отрасли, в общепризнанных успехах и достижениях которой был его немалый и признанный вклад. Виделись новые горизонты...

Но жизнь распорядилась иначе. 13 февраля 1985 года он приступил к работе министром нефтяной промышленности СССР. А еще через месяц в нашей стране произошла смена руководства. Под девизом перестройки в стране стала осуществляться провозглашенная экономическая реформа, радикальность которой была углублена в начале 1990-х годов уже в новой России. И в высшей степени прибыльной бюджетообразующей газодобывающей отрасли стали возобладать тенденции её, пусть и частичной, но приватизации. Настойчиво стремясь

к совершенствованию, государство и отрасль вырабатывают новые формы и тактику развития, и чем быстрее российский Газпром войдет в колею глубоко продуманных, социально и морально ответственных решений России XXI века, тем ближе к осуществлению державные помыслы её первых руководителей и надежды общества, возлагаемые на газовую промышленность.

И обнадеживающим фактом в этих ожиданиях воспринята замелькавшая на экране телевизоров реклама «Газпром — Национальное Достояние» (!)